

Искорка 2
1976

№2

ФЕВРАЛЬ • 1978

год издания XXII

Виктор МАКСИМОВ

газеты
«Ленинские
искры»,
орган
Ленинградского
Обкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И. Ленина

Баллада о двух солдатах

О двух погибших солдатах
я поведу рассказ.
В Польше — панов Ковальских,
как Ковалёвых у нас.
В каждом городе Польши,
где хоронили солдат,
в братских могилах — Ковальские
и Ковалёвы лежат.
Но почему же в Кракове,
сданном врагом без боёв,
спят под одной звездой
Ковальский и Ковалёв?
И золотыми буквами
вечный гранит говорит
о том, что спасённый Краков
героев благодарит.

В действующей армии
первый месяц всего
был Ковалёв. А Ковальский
и вовсе меньше того...
И было неловко обоим,
что в город на их пути
вступили они без боя,
без перестрелки почти.
Но, отступая из Кракова,
гитлеровский генерал
под каждым зданием города
оставить фугас приказал.
Чтобы заряды смертельные
вдребезги их разнесли,
чтоб этот польский город
стёрт был с лица земли.
Но не унёс он ноги,
и города он не стёр:
пуля нашла генерала,
тол обезвредил сапёр.

Рис. Н. Нефёдова

Шли по спасённому городу
двое весёлых солдат.
И Ковалёв рассказывал
Ковальскому про Ленинград.
— Ты понимаешь, какой он?!
В мире нет краше его!..
И «бардзо разумел» Ковальский
спутника своего.
Махал Ковалёв руками,
Ковальский кивал головой.
И вдруг увидали солдаты
девочку на мостовой.
В пустом городском закоулке,
где шум еле слышен людской,
к брошенной кем-то кукле
тянулась она рукой.
Была на той кукле шубка —
не то, что девчушкин хлам.
И еле заметная проволочка
тянулась от ножки к камням.
Минуты нет на раздумья!
Секунды нету для слов!
Рванулся к девчужке Ковальский
и бросился Ковалёв.
И за мгновенье до взрыва,
до дьявольской вспышки слепой,
в паденье девочку с куклой
прикрыли они собой.
На улице зимнего Кракова,
сперва в окруженье родни,
стояла девочка с куклой
и молча лежали они.
Потом собрался весь город
у холмика мёрзлой земли.
И плакала девочка с куклой,
и розы живые цвели.

...Не вянут цветы на могиле,
где вместе на веки веков
лежат два простых солдата —
Ковальский и Ковалёв...

КОГДА УЛИЦА УЛИЦЕЙ СТАЛА

Сколько в нашем городе улиц? Около 1800 — сообщает последний путеводитель. Если все их вытянуть в длину, то протянется эта Большая Ленинградская улица до самого Чёрного моря. А началось всё с дома № 1. С маленького деревянного Домика Петра I, что стоит на Петроградской стороне, на Петровской набережной.

Построили его петровские солдаты. За три дня, с 24 по 26 мая 1703 года, из крепких сосновых брёвен срубили — точно так, как ставили в своих деревнях избы. Было в домике две комнаты: кабинет и столовая, сени и небольшой чуланчик — спальня. Застеклили семь широких окон мелкими стёклами, потолок и стены внутри обили холстиной. Наружные стены раскрасили «под кирпич». Очень уж хотелось царю видеть свой город каменным! Потому и стены деревянной церкви, что возвели рядом, в Петропавловской крепости, тоже расписали «под каменный вид жёлтым мрамором».

Та церковь не сохранилась, а домик Петра I стоит. В 1731 году над ним соорудили навес, а в 1844 весь домик убрали в каменный футляр: берегли петербуржцы это единственное деревянное строение петровской эпохи до наших дней!

Стали вокруг Домика другие дома вырастать. Слева воздвиг себе трёхэтажный дворец сибирский губернатор князь Матвей Гагарин, справа в двухэтажном здании под черепицей разместился «Правительствующий Сенат». Рядом с дворцом Гагарина вырос дворец вице-канцлера Шафирова — на этаж поменьше, но зато богато отделанный внутри архитектором Карло Бартоломео Растрелли. Правда, вскоре за чрезмерное казнокрадство князь Гагарин был казнён. За ним проворовался и вице-канцлер, дом у него отобрали в казну, и в нём 27 декабря 1725 года родилась Российская Академия наук — торжественно открылось её первое заседание.

Рядом с первыми домами выросла и первая площадь — деревянная. Прямо на болотные кочки настлали брёвна, на брёвна набили доски — получился помост. На нём и площадь. По имени церкви, построенной на ней в честь взятия Выборга, площадь называли Троицкой. В молодой северной столице была она и главной, и единственной. Всё было тут, на ней: и первый наш порт, к причалам которого спешили заморские корабли, и таможня, и гостиный двор, и типография, и «австерия» — так царь Пётр русский трактир переименовал. Пили и ели в нём купцы архангелогородские да новгородцы вперемишку с голландскими да аглицкими. Был на этой площади и первый городской рынок, прозванный Обжорным. В 1711 году его, правда, перевели подальше — за Кронверк, а величать уже стали Сытным. Он и по сей день существует. За год до этого сгорели лавки гостиного двора, и новые стали строить тоже чуть подальше: на месте нынешней мечети.

Чего только не бывало на старой Троицкой площади! Читали на ней царские указы, устраивали смотры войскам, праздновали воинские победы и рубили головы непокорным. В 1714 году в честь победы молодого флота российского под Гангутом даже возвели Триумфальную арку.

С каждым годом всё больше улиц бежало к площади и отходило от неё. Селились чаще всего слободами. Поближе к царскому домику расположились Большая и Малая Дворянские улицы. За ними протянулись Большая и Малая Посадские, еще дальше — Малая и Большая Монетные, Ружейная. За Сытным рынком раскинула свои юрты Татарская слобода (название Татарского переулочка хранит о том память и по сей день). Неподалёку от него идут сейчас по городу Большая и Малая Пушкарские улицы — тут в петровскую эпоху пушкари жили. По соседству и те, что готовили для русских пушек боеприпас — пороховое зелье. Большая Зеленина улица о них память хранит. В других частях города тоже слободы росли: Морская, Ямская, Конюшенная, Кузнечная...

Строящемуся городу много людей требовалось. Скакали по российским губерниям царские курьеры, везли строгие указы: «...с 35 городов, с посадов, дворцовых волостей, поместьев, вотчин, всяких чинов людей с крестьянских и бобыльских дворов взять работных людей с 9 дворов человека». «Высылать с плотничными снастями, а именно: у всякого человека топор, у 10 по долоту, бураву, пазнику и скобелю» (пазник — это деревянная кирка, скобель — грубый нож для строгания).

И они шли по бездорожью, плыли по тихим северным рекам, по только что проложенному Вышневолоцкому каналу. Шли сами и под военной охраной, в цепях. И всё равно бежали с дороги. Ведавший городским строительством обер-комиссар У. А. Сенявин доносил в Сенат, что «работных людей в Санкт-Петербург приводцы приводят самые бездельные, от которых работные люди бегут...» Да и как не бежать, когда строительство-то это каторгою звалось. Сам царь велел беглых солдат «бить кнутом и ссылатъ на каторгу в новостроенный город Санкт-Петербург».

Строителей своих город встречал стужей и голодом, сырыми землянками да шалапами, трудом непосильным, штрафами и кнутами надсмотрщиков. Много неведомых подкопщиков, плотников, каменщиков легло тут в петербургскую землю. Взамен гнали новых. С 1710 по 1715 год одна лишь Московская губерния отправила в Санкт-Петербург шестьдесят тысяч, да Казанская — тридцать пять тысяч, да Архангельская — восемнадцать, Азовская — десять, Киевская — семь, Сибирская — пять тысяч...

И уже не только мужики с топорами за поясом пробирались в новостроенную столицу, не только подкопщики — шли и ехали умелые мастера. Новый царский указ повелел им ехать сюда «на вечное житьё». Требовались опытные каменщики и камнеломщики, кирпичники и кузнецы, столяры и плотники. Молодому флоту требовались корабельщики, армии — литейщики пушек и оружейники. Петербуржцам не прожить было и без портных, фонарщиков, гончаров, медников. К 1725 году в Санкт-Петербурге уже было сорок тысяч человек населения — восьмая часть всех горожан страны.

Приходили мужики — дивились: не видывали они такого в других городах! Приезжали бояре да купцы — тоже удивлялись: всё не так, как на Руси! В Рязани, во Владимире где-нибудь по улицам телеги громяют, коляски пылят — в Санкт-Петербурге не то: лодки под парусами речные волны бороздят. Так уж хотелось царю, чтобы новый город напоминал Голландию, стал городом каналов, что он в первое время даже запретил строить мосты и петербуржцы вынуждены были для своего передвижения заняться строительством малого «невского флота» — лодок. Васильевский остров весь предполагалось каналами на квадраты поделить. Почему там улицы линиями называются? Осталось это от «линий» каналов, прочерченных на одном из первых планов строительства города, созданного архитектором Леблонем.

Где-нибудь в Смоленске, в Коломне каждый хозяин строил себе дом, как ему хотелось, — в Санкт-Петербурге опять не то! По приказу царя архитектор Трезини создал три типа стандартных домов (вот оно когда стандартизация-то была уже!): для «именитых» домовладельцев, для «зажиточных» и для «подлых» — то есть для простого народа. Кому в два этажа, а кому и два окошечка. Так вот и строй, а своего не выдумывай!

В Москве, во Пскове бояре да дворяне именитые по усадьбам сидели: огораживались глухими, высокими заборами, хоромы свои ставили от улицы подальше — в глубь усадьбы. В Санкт-Петербурге снова не так! Царь повелел строить дома фасадами на улицу, за частоколом заборов не прятаться, чтобы окошки прямо над мостовой. Город вырастал с улицами прямыми, с домами, стоящими по линеечке, с многочисленными каналами, садами, парками.

Вскоре уже отпала надобность раскрашивать под камень мазанковые петербургские дома: в 1714 году стали возводиться над Невой настоящие каменные дома повсеместно. По всей стране замерли каменные стройки: царь запретил. Весь камень, всех каменщиков велено было доставлять в Санкт-Петербург, только там можно было поднимать каменные стены.

Дома росли, а вот улица... Улицы, считайте, ещё не было. Современник зарождения города писал в ту пору: «Когда один только день идёт дождик, то уже нигде нет прохода, и на всяком шагу вязнешь в грязи». Деревянные мостки тонули в лужах, доски быстро гнили...

В том же 1714 году царь звёл ещё и «булыжный налог». Всякий, кто ехал в Санкт-Петербург, обязан был брать по пути камни и сдавать их на городских заставах или на пристанях. На корабле плывёшь — вези от десяти до тридцати камней по десять фунтов и более. В повозке едешь — с тебя три пятифунтовых камня. Забыл захватить камушек — штраф плати!

Первые мощёные улицы появились в нашем городе в 1710 году на Городском острове (нынешней Петроградской стороне). В 1715 году покрылась булыжником Большая Невская перспективная дорога. И словно камень за камнем, шли указ за указом. 18 июня 1718 года повелено было: «...в улицах и переулках каждому жителю против своего двора насыпать песком и камнем мостить гладко». 3 сентября того же года добавлено: «Каждый житель против своего двора по утрам рано, покамест люди по улице не будут ходить... чтобы с мостов всякий сор сметали, и каменье, которое из своего места выломится, поправляли, и чтоб по улицам отнюдь сору не было».

Шестьдесят лет действовал в Санкт-Петербурге «булыжный налог», и почти сто лет петербуржцы восхищались своими булыжными мостовыми. Русская мостовая обогнала мостовые всех европейских стран. Она

вдруг стала гораздо красивее и удобнее. В 1832 году русский изобретатель В. П. Гурьев предложил выкладывать мостовые шестигранными деревянными шашечками. Попробовали на Невском, на Большой и Малой Морских, на Дворцовой и Английской набережных — хорошо получилось! По словам самого изобретателя, «все дома на Невском проспекте избавились от непрерывного дрожания, которое повреждало их прочность. Жители успокоились от стуку, лошади ощутили новые силы и, не разбивая ног, возят теперь рысью большие тяжести». С появлением «паровых телег» и «пароходных дилижансов» в деревянной торцовой мостовой появились железные полосы — колёсопроводы. Но этих сухопутных пароходов было пока очень и очень мало, зато коляски по улицам города катились совершенно бесшумно, кони действительно бежали резво. Иностранные посланники поспешили доложить своим правительствам об этой петербургской новинке, и вскоре деревянные торцовые мостовые появились в крупных городах Европы и даже в Америке. Одна беда была у этих мостовых: требовали частого ремонта, а случись наводнение — вся мостовая всплывала. Осенью 1924 года сотни пионеров Ленинграда вышли на улицы, едва схлынула вода, собирать эти «шашечки с Невского проспекта».

Была попытка создать и железную мостовую. В 1911—1912 годах небольшой участок возле Казанского собора выложили полосками переплетённого кровельного железа. Извозчики тут же прозвали этот участок «чёртовой мостовой» и старались держаться от него подальше: их кони скользили, падали, грохот и ляг стоял немалый. Пришлось железную мостовую разобрать.

А вот чугунной мостовой уже много-много лет. Правда, находится она не в Ленинграде, а в Кронштадте — маленький участок, выложенный из поставленных вертикально узорных труб. В трубы набилась земля, сравнялась с краями «чугунных ромашек», и мостовой этой сносу нет.

Асфальт на улицах города появился тоже давно — в 1839 году попробовали было покрыть им мостовую. Только приготовить хорошую асфальтовую массу тогда ещё не умели, и минуло целых полвека, пока на маленьком участке перед одним из домов на Малой Морской улице появился первый квадратный метр асфальта — материала, которым сейчас покрыты почти все улицы Ленинграда.

А старый булыжник тоже сослужил неплохую службу: когда начались первые стычки рабочего люда с царской монархией, в дни Обуховской обороны, в годы первой русской революции 1905 года, он стал первым оружием пролетариата. Не было у рабочих ни винтовок, ни пушек, и, когда на их баррикады шли цепи царских солдат, скакали на конях жандармы, — летели в них выломанные из мостовой булыжины! За Невской заставой, возле дома № 23 по Ново-Александровской улице, наш город и сейчас хранит необычный памятник: кусочек булыжной мостовой. В доме этом — Народный музей революционной истории Невской заставы, а булыжник возле него — тоже экспонат, оружие борьбы.

Что ещё нужно улице, чтобы стать таковой? Оглянитесь вокруг и сами найдёте ответ: многое ещё нужно. Конечно, по асфальту ходить лучше, чем по грязи, только если зимой на улице тьма крошечная, то и мостовой рад не будешь. Вечерней улице нужен свет! Не сразу зажглись на ней фонари, а уж сколько раз менялись!.. Первые из них были даже и не для освещения, а для иллюминации. В городе праздновали победы русских войск над шведами под Калишем. На улицах, примыкавших к Петропавловской крепости, царь и приказал в честь победы зажечь фонари. Произошло это в ноябре 1706 года. А двенадцать лет спустя архитектор Леблон создал образец первого уличного фонаря. Четыре таких фонаря изготовили на Ямбургском стекольном заводе и поставили возле Зимнего дворца Петра I.

Минуло ещё пять лет — и на улицах города стояли уже 595 бело-голубых столбов, каждый из которых держал железным прутом шарообразный фонарь. По верёвочке, перекинутой через специальный блок, фонарь опускался: его могли чистить и заправлять конопляным маслом. Стоило это уличное освещение очень дорого. В 1721 году генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга А. М. Дивьер представил Сенату смету расходов на первые светильники. В ней значилось:

«1. Стоимость 595 фонарей со стёклами и столбами — 15 898 рублей 40 копеек.

2. Стоимость содержания освещения в одну треть года (при условии горения фонарей по 5 часов в сутки): конопляное масло 2266 рублей 50 копеек; фитиль бумажный — 2130 рублей, содержание 64 фонащиков — 1142 рубля».

Самым дешёвым тут оказался труд фонащика.

Стоили фонари дорого, а светили тускло, гасли часто да и для прохожих были небезопасны. Помните, ещё Н. В. Гоголь в повести «Невский проспект» писал: «Далее, ради бога, далее от фонаря! И скорее, сколько можно скорее, проходите мимо. Это счастье ещё, если отделаетесь тем, что он зальёт щегольской сюртук ваш вонючим своим маслом».

Сто лет трещало, коптело, брызгалось в уличных фонарях это конопляное масло. На смену ему пришёл газ. В 1821 году в городе появились первые газовые фонари, а четыре года спустя возникло целое «Общество освещения газом Санкт-Петербурга». Вскоре светильный газ вспыхнул в фонарях, стоявших возле Александровской колонны, на Миллионной улице, осветил Большую и Малую Морские, Гороховую и Невский проспект. Газовое освещение было куда как ярче и безопаснее конопляного, но и дороже!.. В 5 раз дороже.

Стали искать более дешёвое освещение. В 1849 году на улицах города появились фонари, в которых горела ширто-скипидарная смесь. 1 августа 1863 года зажглись шесть тысяч керосиновых светильников. А в 1872 году русский электротехник А. Н. Лодыгин получил патент на изобретённую им электрическую лампу накаливания. Конечно, это было лучше всего предшествовавшего! Но смотря для кого лучше... Для хозяев «керосинового света» это было ох как плохо! Могли они из-за этого Лодыгина все свои капиталы потерять. Никто не хотел прислушаться к голосу изобретателя, помочь ему. И тогда он решил показать петербуржцам, что такое лампы накаливания.

Летом 1873 года петербургские газеты оповестили: «11 июля на Одесской улице, на Песках, будут показаны публичке опыты электрического освещения улицы». И публика поехала. Восхищённый очевидец писал: «Вдруг из темноты мы попали на улицу с ярким освещением. В двух фонарях керосиновые лампы были заменены лампами накаливания, излу-

вавшими яркий белый свет». Петербуржцы восторгались, ликовали, газеты захлёбывались от похвал изобретателю, а хозяева города так и не оценили труд А. Н. Лодыгина: лампам его места в Петербурге не нашлось.

Не смог пробить равнодушие царских градоначальников и другой талантливый изобретатель — П. Н. Яблочков. Лампу накаливания он предложил заменить свечой, в которую была упрятана электрическая дуга Петрова. «Свечу Яблочкова» мир назвал «русским светом». Ею были освещены улицы Парижа, Лондона, Рима. Они вспыхнули даже во дворце короля Камбоджи! И только в России, на улицах её столицы, по-прежнему тускло мерцали газовые и керосиновые фонари...

Долго «раскачивались» в оценке этой «новинки» русские правители. И всё же вынуждены были пойти на уступки. Едва услышав об этом, П. Н. Яблочков выкупил у французских компаньонов свой же патент за миллион франков и поспешил в Петербург. Хозяева города, «керосиновые купцы» встретили его настороженно: все улицы давно уже были поделены между ними. Поэтому первые электрические «свечи Яблочкова» вспыхнули на воде, точнее на Дворцовом мосту, который связал в 1879 году Стрелку Васильевского острова с Дворцовой набережной, — там-то и установил П. Н. Яблочков первые свои 12 фонарей.

Медленно, но всё-таки пробивал себе дорогу электрический свет. Уже на пороге революции керосиновые фонари всё ещё не хотели сдаваться: они освещали четыре пятых всех улиц города. Но, прощаясь со старыми фонарями, должны мы сказать несколько добрых слов фонарщикам. Нету теперь такой профессии, а раньше Петербург без фонарщика и представить себе было невозможно. Долгие годы сидели по вечерам фонарщики у перекрёстков улиц и поглядывали: не появился ли над крышами, над домами Большой Морской красный шар? Появился! Значит, пора брать на плечи лестницы и идти зажигать фонари. В первые годы, когда фонари только появились, их обслуживали всего 64 фонарщика: на каждого приходилось по 9—10 фонарей. К моменту появления электричества фонари насчитывались уже тысячами, а фонарщиков было... только около двухсот человек.

В дореволюционном задачнике по арифметике была даже такая задача: «Фонарщик зажигает фонари на городской улице, перебегая с одной панели на другую. Длина улицы — верста триста сажен, ширина — двадцать сажен, расстояние между соседними фонарями — сорок сажен. Скорость фонарщика — двадцать сажен в минуту. Спрашивается, за сколько времени он выполнит работу?» Решив задачу, вы узнаете, что 64 фонаря фонарщик зажжёт за 88 минут. Можете себе представить такое? Ведь в наши дни все фонари вспыхивают одновременно. А тогда фонарщику полтора часа требовалось, чтобы одну улицу зажечь.

Да и фонари у нас теперь стали другими. Правда, лампа Лодыгина служит нам и по сей день. Но на помощь ей пришли новые осветительные приборы: люминесцентные, ртутные, натриевые, ксеноновые — все те, которые мы чаще всего зовём лампами дневного света. По сравнению с лодыгинскими горят они значительно ярче, а электроэнергию расходуют в 2—3 раза меньше. Да и бегать от фонаря к фонарю теперь не надо: в 1937 году, впервые в нашей стране, всё уличное освещение Ленинграда стало управляться от одного пульта — центральной диспетчерской «Ленсвет». Фонарщиков сменили автоматика и телемеханика. Сейчас достаточно одной минуты, чтобы осветить весь город.

Но и это ещё не всё. Погода в Ленинграде капризна: наплывут тучи среди бела дня, хлынут дождём — и темно вокруг. Вроде ещё рано бы зажигать свет, а уже темно. Так как же быть: зажигать или не зажигать?

Не стоит ломать голову над этим вопросом: на многих крышах нашего города установлены специальные приборы; как только освещённость падает ниже нормы — приборы дают сигнал и освещение включается.

В город приходит новый свет, новые лампы, а что осталось от старого — так это сами фонари. Архитекторы и скульпторы старались создавать их красивыми, непохожими друг на друга. Масляный луг на Кировских островах украшают фонари, созданные гениальным архитектором нашего города К. И. Росси. Между колонн Исаакиевского собора висят другие — придуманные строителем собора О. Монферраном. Памятник Николаю I окружают фонари, сконструированные академиком Вейгельтом. Входы во Дворец труда освещают фонари, родившиеся фантазией другого крупного архитектора Петербурга — А. И. Штакелшнейдера. Перед Московским вокзалом встречают гостей нашего города фонари, созданные архитектором К. А. Тоном.

Фонарь, конечно, не дворец, но будете гулять по улицам Ленинграда — обратите внимание, приглядитесь к этим «вечерним светлячкам». Они заслуживают этого, они красивы и днём и ночью. Что ещё нужно улице? Название. Иначе, как же её найдёшь?

Первое время найти какой-нибудь дом в Санкт-Петербурге было чрезвычайно трудно. Приезжали в новую столицу обычно по Новгородской дороге (ныне здесь протекает Лиговский проспект), и, чтобы найти знакомого человека, родственника, приходилось прибегать к долгим расспросам, сообщая сведения о близлежащих домах, садах, речках. Справки подобного рода наводились до тех пор, пока приезжий случайно не сталкивался с кем-либо из знавших нужного человека и дом, в котором тот живёт. Первые официальные имена улицам были даны лишь в 1738 году, а номера на домах появились и того позже — в конце века. Но в 1791 году в Санкт-Петербурге имелось уже 4554 таких номера. Искать стало легче. Улица организовывалась.

Что ещё есть сегодня на улице? Вот висит на стене почтовый ящик — очень нужная вещь! Давно он пришёл на улицы? Да уже более ста лет. Почтамт в Санкт-Петербурге открылся в 1714 году, а в 1833 году была учреждена и первая в России городская почта: для пересылки писем внутри города. А пятнадцать лет спустя петербуржцы вдруг увидели на своих улицах тумбы. А на них ящики, обитые железом и выкрашенные в зелёный цвет. Вот они-то и были прапрадедушками наших почтовых ящиков, что висят сейчас на стенах домов и окрашены уже не в зелёный цвет, а в синий — для иногородней почты и в красный — для внутригородской.

Снова смотрим на улицу. Ага — радиорепродуктор висит! Он тоже древний? Вот он — нет. Первые рупорные громкоговорители в Ленинграде

появились в конце 1925 года. Один из них был тогда установлен на здании Гостиного двора (угол Думской улицы), другой — на доме № 92 по Невскому проспекту и третий — на улице Герцена, дом № 37.

По улице машины бегут. Когда первая пробежала? Можем ответить точно: первый автомобиль прокатил по Невскому проспекту 20 марта 1898 года. Его конструктором был офицер военно-морского флота Е. А. Яковлев. Ещё в 1884 году ему удалось организовать в Петербурге первое в России отечественное производство керосиновых двигателей своей конструкции. В 1896 году на выставке в Нижнем Новгороде уже демонстрировался первый русский автомобиль, построенный по проекту Е. А. Яковлева: двухместная четырёхколёсная повозка на рессорах с откидным верхом и с бензиновым двигателем в две лошадиные силы. На хорошей дороге автомобиль мог развивать скорость до 20 километров в час. Два года спустя он появился и в Петербурге.

А вот первый автобус прошёл по нашим улицам 24 декабря 1926 года. Первый маршрут, по которому курсировали пять машин, проходил от Главного штаба по Невскому, поворачивал на улицу Гоголя, оттуда по улице Дзержинского, Загородному проспекту, Звенигородской улице и улице Марата снова выходил на Невский проспект и заканчивался на площади Восстания у Московского вокзала.

А трамвай? С трамваем вышел такой казус, как со «свечой Яблочкова». «Свече» не было места на улицах, и трамваю тоже не нашлось. Все улицы были отданы на откуп владельцам конки. Пришлось электрическому трамваю тоже перебираться на воду. Первый трамвайный маршрут был открыт в Петербурге в 1895 году... по льду Невы. Первая же трамвайная линия по земле была открыта лишь 29 сентября 1907 года: от Большого проспекта Васильевского острова до Адмиралтейства. Троллейбус младше трамвая почти на 30 лет. Его первый маршрут (площадь Труда — площадь Александра Невского) открылся 21 октября 1936 года.

Такси по улице пробежало. В этом году такси — как раз полвека. Первые государственные такси появились в нашем городе в 1928 году. Без чего ещё трудно себе представить улицу? Без часов. И тут, если я спрошу вас: какие они были в нашем городе самыми первыми? — не спешите с ответом. Так и просится на язык: самыми первыми были солнечные часы! И в нашем городе они есть. Приглядитесь к старым верстовым столбам, что стоят на бывшей Петергофской дороге — нынешнем Московском проспекте. Первый из них, отмечая первую версту от здания почтамта, стоит как раз на углу проспекта и набережной Фонтанки. Ехал мимо таких столбов путник и мог определить по ним: сколько вёрст отмахал, сколько на это времени затратил: на каждом верстовом столбе кроме цифры есть и солнечные часы. Бежит по кругу тень от небольшого клинышка в центре — время показывает.

В истории часов солнечные были, действительно, самыми старыми, а в истории нашего города — нет. Верстовые столбы вдоль Петергофской дороги начали ставить в 1739 году, а первые часы — механические — появились в 1704 году. Через год после закладки города, ко дню открытия собора в Петропавловской крепости, были привезены из Москвы часы, сработанные русским мастером Никифором Архиповым. Их установили на площадке под шпигем. С той поры крепостной колокол днём и ночью стал «отбивать время». В 1720 году эти часы заменили другими, вывезенными из Голландии за 55 тысяч рублей. Это были уже куранты. Чем отличаются часы от курантов? Первые сообщают время только колокольными ударами, вторые — играют целую мелодию.

Часы стали украшением многих башен молодого Санкт-Петербурга. Вслед за Петропавловской крепостью они появились на башне Адмиралтейства, на каменной церкви, построенной князем А. Д. Меншиковым на

Васильевском острове, на деревянной Троицкой церкви, на многих домах петербургской знати. А обычные уличные часы? Эти появились только в нашем веке. «Хозяева города» — купцы и дворяне — долгое время рассуждали так: у людей знатных свои часы есть, в кармане на цепочке, им часы на улице ни к чему, а людям «подлым» — время ни к чему: ударит пушка — иди работай, ударит вдругорядь — иди спать.

Установка первых уличных часов связана с именем нашего выдающегося учёного Д. И. Менделеева. Возглавляя Палату мер и весов, создал он и лабораторию точного времени. В специальном здании Главной палаты (на Московском проспекте, возле Технологического института) установили тогда группу из трёх астрономических часов системы Рифлера. А четвёртые астрономические часы поставили на лестнице Зимнего дворца. Управлялись эти четвёртые по специальному кабелю. Когда этот кабель прокладывали к дворцу, Менделеев и предложил протянуть от него ветку к зданию Главного штаба, а под аркой этого здания установить часы. Они-то и стали первыми уличными часами нашего города.

Прыгают на циферблатах часов стрелки — отсчитывают время. Час за часом уходят в историю. А историю имеют все — и люди, и дома, и улицы. Много улиц пришлось нам вспомнить сегодня. А сколько их с каждым годом новых появляется!.. Первые улицы Санкт-Петербурга вам теперь известны. А где родилась самая первая улица Ленинграда? Когда её построили? Как называли? Сообщением о ней мы и закончим наш рассказ.

Ленинград готовился к празднику — восьмой годовщине Октябрьской социалистической революции. Шёл уже 1925 год. В бывшем Нарвском, а ныне Кировском районе для рабочих-путиловцев строились дома. Тоже на бывшем пустыре. Путиловцы в тот год поработали хорошо: из ворот завода выходили и выходили новые тракторы. Первый из них — прадедушка нынешних могучих «Кировцев» старенький «Фордзон-путиловец» — прошёл даже в колонне первомайской демонстрации 1924 года по Дворцовой площади. В новые дома въезжали ветераны завода, первые тракторостроители нашей страны. В честь них и улицу называли — Тракторной.

Что же касается последней застроенной улицы — так нету её, последней. Каждый год новые рождаются. Вполне вероятно, что кто-нибудь из вас вырастет и тоже будет строить новые улицы Ленинграда: возводить дома, прокладывать тротуары, подвешивать провода троллейбусов, подключать электрические часы. Город растёт вместе с вами. И ждёт вас — своих горожан и строителей.

Рис. В. Адаева

У Л И Ц Ы:

СТАРОЕ НАЗВАНИЕ

НОВОЕ НАЗВАНИЕ

1. Троицкая площадь	— площадь Революции
2. Большая Дворянская	— улица Куйбышева
3. Малая Дворянская	— улица Мичурина
4. Малая Посадская	— улица Братцев Васильевых
5. Большая Монетная	— улица Скороходова
6. Ружейная улица	— улица Мира
7. Большая Невская першпективная дорога	— Невский проспект
8. Большая Морская	— улица Герцена
9. Малая Морская	— улица Гоголя
10. Английская набережная	— набережная Красного Флота
11. Миллионная улица	— улица Халтурина
12. Гороховая улица	— улица Дзержинского

УДАЧА! На скамеечке дремала старая бабушка, а девочка в красной шапочке сидела в песочнице и делала куличики. Мячик большой, разноцветный лежал тут же.

— Начнём съёмки, — шёпотом скомандовал майор Решетилов, точно боялся разбудить бабушку. — Вы, Таля, снимайте внучку и мячик и бабушку. Я буду организовывать толпу. А ты, Борис, смотри, как это у нас получается...

И Решетилов разъяснил задачу:

— Идея такая: люди идут по своим делам, кто в магазин, кто — на работу, а бабушка тем временем безответственно

дремлет, не думая, что внучка её без присмотра.

Виталия Витальевна тут же пошла к песочнице, а Решетилов — на тротуар. Мы видели, как он останавливал прохожих.

— Гражданин, задержитесь! — уговаривал Решетилов. — Пожертвуйте пять минут ради искусства.

Высокий человек в шляпе замахал руками, ему, видимо, некогда было играть в кинокартине.

— Нет, нет, — в микрофон кричал ему Решетилов. — Задержитесь. Я вас призываю!

Он отскочил, поднял киноаппарат к глазам — камера затахтела.

И вдруг человек перестал возмущаться и бросился наискосок.

Продолжение. Начало в «Искорке» № 1.

Он бежал в сторону спящей бабушки и её внуки.

— Стой! Снимать буду! — кричал Решетилов.

Девочка, которая в это время сидела в песочнице, испуганно вскочила, схватила мячик и кинулась от гражданина на дорогу. Мячик выпал. Он катился всё быстрее и быстрее.

— Машина! Машина! — с ужасом закричали люди.

...ГРУЗОВИК на полной скорости мчался по проспекту. Он был огромен. Дым валил изпод его колёс, чёрная полоса стелилась сзади.

Шофёр включил сигнал. Длинный гудок прорезал тишину.

Девочка глядела на грузовик и словно окаменела.

Я невольно поискал папу глазами. Папа глядел на грузовик и на девочку одновременно.

И вдруг я всё понял. Папа слегка пригнулся. Наверное, так бывало, когда папа держал штурвал самолёта, выполняя самые сложные фигуры высшего пилотажа.

Женщины закрыли лица руками. Что-то тяжёлое жикнуло мимо. Тормоза закрипели по асфальту.

Когда я открыл глаза, папа стоял на дороге, крепко прижимая девочку. Грузовика не было. Я поглядел правее — грузовик стоял далеко, из его кабины медленно вылезал водитель. Люди молчали. Шофёр подошёл к папе и протянул ему руку.

— Спасибо, — тихо сказал шофёр. — Вы спасли ребёнка. Вы и меня спасли, дорогой товарищ...

И тут толпа вздрогнула и побежала к машине.

— Ура! — кричали люди, и каждый старался пожать папе руку. Последними, кто к нему прорвался, были инженер-майор Решетилов да тётя Таля.

— Боря! Боря! — бормотала она, точно ещё не была уверена, что всё кончилось благополучно. — Я горжусь вами!.. — И она заплакала.

Люди начали расходиться. Даже Решетилов и тётя Таля не захотели больше снимать фильм.

Мы остались одни: я, папа и Мотька.

Перешли дорогу. Оказались на пустыре. Впереди на кочке лежала смятая консервная банка. Мы заметили её одновременно. Переглянулись. И наперегонки бросились к ней.

Папа подлетел первым и что есть силы ударил по банке ботинком. Банка взлетела в воздух — теперь мы мчались за ней все трое.

— Мазила! — хохотал папа. — Футбол — это тебе не стихи писать! Тут думать нужно!

Мне хотелось хоть разик догнать его, но банка всё ускользала из-под самого моего носа. Вскоре я окончательно выдохся и упал в траву. Папа остановился, заставил меня встать.

— Нельзя валяться. Пошли, посидим на скамейке.

Мотька уселась рядом, дышала тяжело и часто. Её язык едва не доставал земли.

— Ну вот, — вздохнул папа. — Я вроде бы и успокоился. — Он поглядел в мою сторону и внезапно признался: — Такое кино не по мне, Саня. Лётчику нужно искать другое, более серьёзное дело...

Я ОБХОДИЛ колонку. Всё было прекрасно на моём участке: руки чистые, ногти подстрижены, обувь в порядке. Пустовало место Удаловой, и я подумал, что болезнь всё же её победила...

Галина Ивановна что-то писала в классном журнале, ждала, когда я закончу осмотр.

И вдруг вошёл Удалов-папа, а за ним — Люська. Папа был бледен.

— Простите, что мы опоздали. Но я съездил в свой цех и отпросился к вам в школу...

— Что случилось, Пётр Петрович?

— Дело в том,— говорил Удалов-папа,— что вчера на уроке моя дочь не заболела... Она притворилась больной, потому что не могла решить задачу. Я очень огорчён, что моя дочь — симулянтка.

Галина Ивановна молчала. А Удалов-папа вынул валидол из кармана, положил в рот таблетку.

Люська размазывала по лицу слёзы.

Наконец Галина Ивановна спросила:

— Тебе, может, непонятна была задача?

— Ага,— плакала Люська.

— И ты постеснялась ко мне обратиться? Но я бы тебе помогла, мы бы остались после уроков...

— Я бы тогда опоздала в цирк, у нас были билеты...

— Я так огорчён,— снова сказал Удалов-папа.— В нашей семье все работают честно.

А Люська рыдала:

— Я больше не буду...

— Ладно,— подумав, сказала Галина Ивановна.— Я тебе верю. Надеюсь, поверят тебе и ребята.

ВЕЧЕРОМ я делал уроки. Написал строчку мягких знаков, а потом отложил тетрадь, чтобы подумать: зачем Галине Ивановне столько? Для проверки я открыл мамину книгу и пересчитал мягкие знаки на одной странице. Оказалось, двадцать четыре. Немало.

Я сложил тетрадку, пошёл к маме. Она сидела на кухне и писала истории болезни.

— Из-за осенних дождей больных становится всё больше, это дело обычное. А мне, понимаешь, хочется всех навещать дома, нельзя допускать, чтобы больные дети шли в поликлинику.

Она говорила бодро, делала вид, что не устала, но я заметил, как она прикрывает глаза, словно бы отдыхает.

— Закончу писать и лягу. Завтра день не менее трудный...

В дверь позвонили. Мотька с лаем понеслась в коридор.

Мама подняла голову, насторожилась.

Я повернул задвижку. На пороге возникла лифтерша. Она была огромная, круглолицая, с маленькой, будто бы деревянной, головкой,— чем-то она была похожа на самоварную куклу.

— У меня к вам дело! — сказала лифтерша, и в голосе её

появились нотки приказа.— Хочу, чтобы вы полечили мою тётю. Она приехала из деревни и жалуется на голову. Что-то там тикает у неё в вечернее время, мешает спокойному засыпанию.

— Тикает? — удивилась мама.— Как?

— Тик-так,— потикала лифтьёрша.— Тётя говорит, что в голове у неё будильник. И когда она засыпает, то будильник начинает звонить, тётя вздрагивает и бежит открывать двери.

Мама сказала:

— Но я же детский врач...

— Разберётесь! — успокоила её лифтьёрша.— Про вас водворе говорят, что лучшего доктора не бывает. А если вы думаете, что моя тётя никогда не была ребёнком, то зря.

Папа уже видел, что мама готова пойти лечить лифтьёрскую тётю, и ему было жалко отпускать такую усталую маму.

— Неужели ваша тётя никогда не лечилась? — спросил он.

— Что вы! — возразила лифтьёрша.— Тётю в деревне смотрел доктор и сказал, что у неё будто ничего нету. Только тётя деревенским не доверяет. Городские лучше. У них, говорят, лекарства другие.

Мама что-то хотела сказать, но лифтьёрша ее перебила:

— Пошли! Времени терять не будем. Тем более, меня ждут лифты. Я их выключила, пока занималась тётей. Лифты нельзя оставлять без присмотра.

— Придётся пойти,— вздохнула мама.— Люди часто не то рассказывают про свои болез-

ни. Думаешь — пустяк, а там серьёзно...

Мама открыла двери, но папа сказал:

— Нет, нет, оденься! На улице ветер...

— Нам рядом,— успокоила папу лифтьёрша.— Одеваться — это терять время.

МЫ СТОЯЛИ у окна с папой, свет в комнате был потушен, ждали, когда на улице появится мама.

Наконец они с лифтьёршей появились на середине дороги, пошли к парадной противоположного дома.

На улице был сильный ветер. Целые вороха листьев взлетали в воздух, крутились. Полуголые ветви деревьев раскачивались и сгибались, мне казалось, я слышу скрип и шорох.

Мама пригнулась — идти через дорогу было трудно:

— Как мы не настояли, чтобы мама оделась,— вздохнул папа.— Теперь не догонишь. Может ещё простудиться...

...Потом мы долго смотрели на пустынную улицу, ждали, когда мама пойдёт назад.

— Пойду,— вздохнул папа.— Встречу. Темно. Поздно. И пальто захвачу, что-то у меня беспокойно на сердце...

Но только папа захотел выйти, как появилась из противоположной парадной мама. Она опять едва шла, прикрываясь от ветра руками.

— Вскипачу чай,— сказал папа.— Может, выпьет. Согреется...

Хлопнул лифт. Мотыка побежала к дверям.

Торопясь, будто бы за ней гонятся, мама прошла на кухню. Такого гневного лица я у неё никогда не видел.

— Ну как тётя? — весело спросил папа и зазвенел чашкой с блюдцем.

И вдруг мама заплакала. Её плечи тряслись, а мы с папой стояли рядом и ничего не понимали. Мы не могли её утешить. Да не знали ещё, в чём дело...

— Оля, — умолял папа, — успокойся. Это же пустяки, Оля!..

Тогда мама вытерла слёзы, поглядела на нас.

— Знаете, — всхлипнула мама. — Я была такая усталая... А когда мы вошли, лифтерская тётя уже спала... Она даже пошвыстывала во сне... И тогда лифтерша... — мама передохнула, — посоветовала мне прийти в другое... в более удобное для тёти время...

ВОТ ЭТО была ночь! Проснулся я от нерешительного звонка. Вернее я проснулся, и мне показалось, что кто-то звонит в дверь. Но все спали. Я ещё подумал, что звонок мне чудится. Если бы звонки были, то мама проснулась бы первой. Она всегда спала более чутко, чем мы с папой.

Я решил засыпать, но позволили снова. Вроде бы притронулись к кнопке и сразу отдернули руку, короткий такой был звонок.

Маму будить не хотелось, я побежал к двери.

— Кто? Если вы к маме, — шепнул я в скважину, — то она

очень устала. Она только что пришла от совершенно здорового больного.

И тут кто-то тяжело-тяжко вздохнул.

— Санечка, — торопливым шёпотом заговорил взрослый голос. — Отопри. Это мама Майи Шистиковой, твоей одноклассницы. Заболела Маечка, тяжело дышит...

Я открыл дверь и испугался. Я не узнал Майкиной мамы. Бледная. Волосы растрепались. Халатик запахнут на одну булавку. На ногах тапочки.

— Буди, Санечка, маму, — говорит, — буди, дружок! Худо Майке. Не справится нам без врача. Одни мы дома. Папа в далёком море, в плавании наш папа...

Я сразу побежал в спальню. Только мама уже проснулась, торопливо застёгивала пуговицы на кофте.

Папа тоже проснулся, стоял в пижаме.

— Боря, кипяти шприц. Если потребуется, я пришлю Марию Петровну. А ты, Саня, спи, утром в школу...

Мы с папой сразу же переоделись, пошли кипятить шприц. Папа ходил суровый по кухне, а я думал о том, что зря не верил Майке, будто папа её в дальнем походе. И ещё я подумал, что есть, наверное, такие люди, которые ни разу не проснулись ночью. Лягут и спят, пока не наступит утро. А вот мама моя просыпалась неоднократно, а бывало, и не ложилась. Даже мы с папой часто из-за неё недосыпали.

Не знаю почему, но вдруг мне захотелось узнать, как папа познакомился с мамой, как они встретились первый раз в жизни.

— Папа,—попросил я его,—расскажи, почему ты полюбил маму? И за что она тебя полюбила?

Папа немного удивился, но, видимо, вспомнив о чём-то, начал историю, которую я могу пересказать слово в слово.

ИСТОРИЯ ПРО ПАПИНУ БОЛЬШУЮ ЛЮБОВЬ

— ...Жил я в блокаду, Сашечка, со своей мамой, твоей бабушкой. Работала она тогда на большом заводе, делала снаряды для фронта. Работы было много, а сил у людей мало, поэтому мама иногда оставалась переночевать у подружки.

В тот день — тридцать первого декабря, о котором я тебе рассказываю, мы договорились, что мама до утра останется за Невской заставой, а днём первого января ей легче будет добираться до дома. Дорога предстояла длинная, трамваи и автобусы по городу не ходили. Какой может быть праздник, когда голод и горе!

И вот сижу я дома, и вдруг раздаётся нетерпеливый стук в дверь. Открываю. И передо мной Вовка Шишкин — мой одноклассник.

— Слушай,—говорит Вовка.— Ко мне только что подошёл офицер на улице, спросил,

не на Фонтанке ли я до войны учился. «Там», — отвечаю. «Директора помнишь?» — «Ещё бы! — говорю. — Он сейчас лётчик, сражается с фашистами». — «А не кажется ли тебе, — улыбается офицер, — что я похож на твоего директора?» Я поглядел, а это Николай Павлович. «Вот что, Вова, — сказал директор, когда мы заново познакомились. — Обойди ребят, и кого найдёшь — пригласи ко мне на ёлку. Прилетел я с фронта на короткое время, очень мне хочется учеников повидать».

Квартира у директора мне показалась огромной. Окна — ёлка. Чего только на ней не висело! И конфеты! И кусочки хлеба! И бублики! Всё это подарили директору лётчики его части, когда он поехал с фронта в свой город.

Веселиться вначале никто не мог, сидели неподвижно. А после чая задвигались. Николай Павлович играл на трофейном аккордеоне, а мы пели довоенные песни.

И вот, Саня, запомнилась мне маленькая девочка, беленькая, будто прозрачная; синяя жилочка на лбу, голову ручкой поддерживала. Когда дети начали из-за стола выходить, она тоже встала, двигает ладошками под музыку, а сойти — сил нет.

Вот эту беленькую девочку, которая одними ладошками в тот Новый год танцевала, я, Саня, никогда не забывал...

...Прошло двадцать лет. Летал я на реактивных истреби-

телях, а жил в военном городке. Тридцать первого декабря вернулся с задания, пришёл домой, а за стенкой у моего командира под самый Новый год заболели дети. Пойду, думаю, их проведу, поздравлю ребятшек.

Вошёл, а у них, оказывается, доктор. Здравуюсь. Доктор тоже поднялась. И вдруг увидел я синюю жилочку на лбу. «Вы, — спрашиваю шутя, — не на Фонтанке учились?» — «А вы, — отвечает она после паузы, — в блокаду Новый год не встречали у директора Николая Павловича?»

Вот так, Саня, мы снова познакомились и с того дня больше не расстаёмся.

НА ЭТОТ РАЗ звонок сорвал нас с места.

В дверях стояла Майкина мама, бледная, запыхавшаяся, — бежала двенадцать этажей! — в том же халатике, застёгнутом на булавку, перепуганная.

— Шприц! — крикнула она. — Ольга Алексеевна шприц просит!

К Майке я бежал, обогнав Марию Петровну.

Мама поглядела на меня благодарно, забрала стерилизатор со шприцем, ушла в комнату.

Я остался один. Молчит, значит, думает, что я могу ей ещё пригодиться.

Я сидел в коридоре. Каких только у Майки чудес не навешано! И лук африканский! И мексиканские сомбреро! И японские куклы с веерами и зонтиками! И кукла-старушка

в чепчике и в очках, папа из Бельгии привёз.

Я так внимательно это разглядывал, что не заметил, когда Мария Петровна вошла в коридор. У них с мамой началось совещание.

— Я вызвала «скорую», — шёпотом говорила мама. — Мачку придётся госпитализировать. Укол поможет ей на короткое время. Здесь требуется лечение.

— Да да, — растерянно соглашалась Майкина мама. — Очень вам благодарна.

А моя мама распоряжалась:

— Придётся тебе, Саня, встретить врачей! Сумеешь?

Я только спросил:

— Нельзя ли мне лук взять? Ночь, а я без оружия...

— Тебе ничего не угрожает, — сказала мама. — Иди.

Я побежал.

А ночь сегодня оказалась лучше вчерашней. Круглая луна выплыла над городом, блестящая, словно начищенная наждаком. Через Неву серебряной ленточкой дорожка бежит, змеится.

У правого угла дома вспыхнул свет сильной фары. «Скорая»!

Острый луч шарил по нашему дому. Я замахал руками. Свет стал слабеть и гаснуть. Машина остановилась.

Их было трое: врач — молодой мужчина — и девушки — медицинские сёстры. Они спросили: не «скорую» ли я жду?

Не к Шистиковой ли Майе? Затем вынесли сумку с лекарствами.

— Возьмём носилки,— приказал врач.— Дырочкина вызывает «скорую помощь» только в сложных случаях.

Несмотря на холод, рукава доктора были засучены, мне нравились сильные его мускулы. Лицо у доктора тоже казалось очень сильным. Он точно всё время хранил какую-то тайну.

— Готовы, доктор,— доложили девушки, будто доктор был полководцем.

Доктор кивнул, положил руку на моё плечо, приказал:

— Веди нас, мальчик, к больному.

...А ПОТОМ я и мама стояли на улице. Водитель «скорой» помог затолкнуть носилки в кузов, прихлопнул заднюю дверцу. В приспущенное окно я видел испуганные Майкины глаза, будто бы это и не глаза были, а фары. Я даже зажмурился от неожиданного блеска. Казалось, Майка меня обвиняет, что её в больницу везут. Я не знал, что бы такого ей сказать утешительного.

— На «скорой» покатаешься,— вроде бы позавидовал я ей.— Повезло тебе, Майка.

Был бы, конечно, на Майкином месте Мишка Фешин, слова бы нашлись. С мужчинами проще. Подошёл бы, пожал руку.

— Глупенький ты, Саня,— вздохнула мама.— Лучше бы ей не кататься на «скорой»...

Всё, Саня, теперь домой. Наш рабочий день, будем надеяться, закончен.— Она поглядела на часы и вздохнула:— Через два часа тебе в школу.

МИШКА ФЕШИН пришёл в школу с какой-то тайной. Вертелся на парте, шевелил губами, выпучивал глаза, раздувал щёки.

Галина Ивановна поглядела на Мишку, пытаюсь понять его сигнализацию, но и ей, видимо, ничего не пришло в голову.

— Может, Фешин, ты всем свой секрет скажешь? — спросила она.

Мишка встал, набычился. И тут прозвенел звонок. Мы понесли с ним на перемену. И тут он мне рассказал, что его дедушка приглашает мою маму и моего папу в театр на спектакль, в котором будет играть их главный народный артист.

— Город уже две недели не спит — ждёт премьеры,— передал Мишка дедушкины слова.— Все с ума посходили, билетки спрашивают. Мама уже хочет телефонные провода перерезать, потому что только уснёшь, как кто-то обязательно позвонит в середине ночи, нет ли у нас возможности в театр попасть. А твоих маму и папу приглашают на премьеру!

...Мама собиралась на вечерний приём, а папы пока ещё не было.

— Жалко, что я занята,— вздохнула мама.— Я действительно люблю этот театр и этого артиста...

— Может, отнести дедушке

Фешину билеты? — предложил я. — А то там творится что-то ужасное, как бы к нему не сели на лысину зрители.

Мама засмеялась.

— Нет, — подумав, сказала она. — Лучше вы с папой сходите на спектакль. Ты уже достаточно взрослый...

ПАПУ я ждал с нетерпением, даже читать не мог. Я так нервничал, что уснул на диване, а когда проснулся, то папа расхаживал по комнате.

— У нас билеты в театр! — закричал я. — Скорее собирайся! Мы опоздаем!

Папа всё знал.

— Не волнуйся, Саня, — успокоил меня папа. — У нас ещё два часа. И в театр мы обязательно сходим. Выйди на улицу с Мотькой, а я приготовлю ужин.

Когда мы вернулись, папа примеривал у зеркала рубашки. Сначала он надел белую, потом синюю, потом красную, немного подумал и снова надел белую.

— К белой необходим тёмный галстук. — Он распахнул платяной шкаф и долго разглядывал галстуки. — Раньше было проще: форма зелёная, галстук чёрный, так записано в уставе.

Папа разложил на столе галстуки:

— В горошек вроде бы больше подходит молодому, в крапинку — старому.

Он явно хотел получить мой совет.

— В горошек!

— Точно! — обрадовался па-

па. — А я чуть маме в поликлинику не начал звонить.

Он набросил галстук на шею, закинул длинный конец на короткий, засвистел. Теперь папа знал, что делать. Только никак не завязывалось.

Папа распутал узел, опять стал крутить концы.

— Что-то не так, — признался папа. — К военной форме галстуки с узлом продаются, их завязывать не нужно. Может, к Фешиным сходить? Театральные люди наверняка умеют завязывать галстуки.

Я вспомнил, что дедушка Фешин уже на премьере, и посоветовал:

— Лучше надеть военную форму.

Папа стянул рубашку, которая только что ему понравилась, собрал со стола галстуки и швырнул их на шкаф, как ненужные. Потом поглядел на часы:

— Времени совсем не осталось!

Протянул руку за чёрным галстуком, а галстука нет.

— Он же только что был! Рядом с военным костюмом. Рядом с рубашкой!

Я стал перекидывать папины вещи. То, что на кровати лежало, полетело на стулья, а что на стульях — на кровать. Вихрь поднялся невообразимый.

Наконец папа лёг на пол и на животе пополз под тахту.

Мотька вбежала в комнату на этот шорох и, увидев папины ботинки, залаяла. Папа вылез весь в пыли.

— Кто-то съел мой гал-

стук,—расстроено заявил папа и покосился на Мотьку.— Без галстука в театр я идти не могу...

Пришлось посоветовать:

— Надевай гражданский костюм, а галстук попросим кого-нибудь завязать в театре.

Папа снова переоделся, подтащил стул, чтобы снять со шкафа другие галстуки, а там чёрный. Папа его вместе с остальными забросил.

— На первое действие мы уже не успеваем,—рассуждал папа, медленно успокаиваясь.— Пойдём на второе. Давай-ка, сынок, подкрепимся перед дорогой. Что-то я проголодался.

Вынул миску из холодильника. Хотел поставить разогревать на плиту, но я предложил поужинать холодным, так быстрее. И мы, черпая ложками по очереди, съели манную кашу с мясом. Я ещё подумал: отчего это мама стала манную кашу с мясом варить, раньше она такую еду только Мотьке готовила. А папа ел да похваливал.

— Раньше она Мотьке готовила кашу с мясом, а теперь и нам,—поддержал я папу.

Он застыл с поднятой ложкой. Поднялся и открыл холодильник.

— Ты прав, Санечка! — сказал папа сдавленным голосом.— Еда была Мотькина.

Захлопнул дверцу и сел в глубокой задумчивости.

— Придётся отдать Мотьке наши котлеты, надеюсь, она не обидится...

В ТЕАТР нас не пустили, началось второе действие.

— Пошли, погуляем,—предложил папа.— Знаешь,—признался он,—я до демобилизации мечтал всё свободное время с тобой проводить, а ничего у меня не выходит.

— Я ведь тоже об этом мечтал,—признался я папе.

Кончался сентябрь. Осень стояла в самом разгаре.

На Аничковом мосту, да и вдоль всего Невского горели фонари, и мы с папой немного постояли на набережной, глядя в зыбкую воду.

По Фонтанкеплыли листья, и когда они попадали на светящиеся, изогнутые в воде блики от фонарей, то чёрные внезапно светлели, казались жёлтыми и блестящими.

Мы шли по Невскому. Моросил дождь. Со всех сторон мимо нас двигались раскрытые разноцветные зонтики.

Потом мы обошли памятник Пушкину в круглом садике. Александр Сергеевич читал стихи. Дождик был ему нипочём.

— Какие же стихи он читает? — поинтересовался папа.

— «Пушки с пристани палят,—весело сказал я,—кораблю пристать велят!»

— Не исключено,—сказал папа, подумав.—Тогда ещё самолётов не было...

Несколько дней папа ходил очень мрачный. Куда-то звонил, с кем-то советовался. Было ясно — папа ищет работу по душе, только ничего ему не нравилось, он отвергал всё, что ему предлагали.

И вдруг... Ах, как я люблю это «вдруг»! В один прекрасный вечер, когда мы все сидели у телевизора, раздался телефонный звонок, и папа нехотя снял трубку.

— Слушаю,—сказал папа.

Даже издали было ясно — говорит Решетилов. Вначале папа слушал его устало, потом интерес засверкал в его глазах; папа подтянул ногой кресло и поудобнее уселся.

— Техником Бюро погоды? Синоптиком? — раздумывая

над каким-то новым предложением Решетилова, повторил папа.

Он повернулся к маме и глазами спрашивал у неё совета. Мама кивнула.

— Любопытно,—подтвердил папа.—И главное, близко к авиации...

Они поговорили ещё, и когда папа закончил, он поднялся и долго расхаживал по кабинету.

— Молодец, Леонид! — похвалил папа.—Правильно подумался. Именно синоптиком! На этой работе, мне кажется, я смогу себя чувствовать прекрасно.

И папа запел какой-то марш.

На следующее утро мы с папой вместе выходили из дома. Я пошёл в школу, а папа сел на автобус и поехал в сторону метеостанции, на Васильевский остров.

На уроках я только и думал: как он теперь там? Много ли успел сделать? И какая завтра начнётся погода? Мишке Фешину я, конечно, намекнул, что кое-какие изменения с погодой могут произойти в самом ближайшем будущем. Только Мишка не тот человек, чтобы не выпросить всё. Пришлось признаться насчёт нового папиного дела.

— И что,—начал выяснять Мишка,—твой папа сможет изменить погоду?

— Папа всё может,—сказал я.

Мишка смотрел на меня восхищённо, а я старался выглядеть как можно увереннее.

ДО ВЕЧЕРА я изнервничался, боялся, что не дождусь папу. Чего только я не сделал за эти часы! И уроки, и Мотьку выгулял. И переговорил на Мотькином участке с собачьими тётями.

Хочу сразу же объяснить: собачьи тётки — это не оскорбление, а профессия. Вернее, раньше, до пенсии, у этих тётки профессии были разными. У нас, например, есть балерина, которая, как танцевать перестала, купила собаку и теперь не может даже припомнить, зачем ей был нужен балет. А попробуйте ей задать любой вопрос из собачьей жизни!..

Я, например, спросил: нормная ли её собака Диги? Что тут было! Нормная ли? Да её Диги и на лис ходит, и на выдр, и бог знает на кого Диги не ходит. И тётка начала показывать, как её короткохвостый фокстерьер вылаивал лису на каких-то международных конкурсах.

Вот тут-то я и увидел, что тётка в балете была человеком талантливым, — очень она убедительно изображала, как её Диги встаёт на задние лапы и даже как делает хвостом и ушами. Она так ясно всё показывала рукой, что мне показалось, будто бы и у тётки есть настоящий хвост.

Домой я вернулся, когда начало темнеть. Папа ещё работал. Пришлось включить телевизор, передавали футбол. Вообще-то я больше мультяшки люблю, но без футбола в нашем классе обойтись невозможно. Мишка Фешин сразу же

на смех поднимает: ты девчонка, что ли? Нет такого мальчишки, чтобы он футбол не любил.

А я не то что не люблю, а просто мог бы прожить и без футбола. Мне кажется, почитать интереснее. Была бы приличная книга. Но сегодня я сел смотреть футбол из-за папы. Я подумал: пока папа борется с завтрашними дождями, регулирует погоду, я для него узнаю счёт. Тем более команды играли лучшие: киевское «Динамо» с тбилисским.

Папа очень болеет за тбилисское, и я стал болеть за него же.

Грузины перешли к таким атакам, что я стул перевернул, сел на него, как на коня, и начал руками размахивать, их вдохновлять.

Ну они и пошли! После второго грузинского гола я стал хрипеть. А когда новый тайм начался и я понял, что моя команда победила, бросился я к Мотьке и расцеловал её в нос и в уши.

Вот тут-то и явился мой папа с рулонами под мышкой.

— Тбилисское победило! — кричал я. — Два — один в нашу пользу!

Папа устало улыбнулся, пошёл в ванную.

Я помчался за ним.

— Рассказывай, — просил я, — какую ты сделал погоду на завтра?

Папа был мрачен, мне это не понравилось. Он достал еду из холодильника и молча съел всё, что было. Я решил подождать, — кто знает, может, че-

ловек так устал с непривычки, что и отвечать-то ему сил нет.

— Саня,— оборвал мои мысли папа,— где у тебя счёты?

Я удивился, но счёты принёс.

— Нужно бы ещё поработать, кое-что посчитать...

Папа вздохнул, разложил на столе карты и графики, листы и тетради с цифрами и начал быстро-быстро считать на счётах, точно работал раньше не лётчиком, а бухгалтером.

— Чего это ты делаешь? — не выдержал я.— Разве у вас в Бюро погоды проходят арифметику?

Папа откинулся на спинку кресла, поглядел на меня грустно:

— В некотором смысле ты, Саня, прав. Как техник Бюро погоды я должен пересчитать все среднесуточные, среднемесячные температуры и даже среднегодовые. И потом сравнить их с температурами за столетие.

Я кивнул, но мне хотелось, чтобы папа занимался другим, более важным делом.

— А не мог бы ты на завтра сделать тёплый день, одним словом, лето?

Папа поглядел на меня с сомнением, но всё же спросил:

— Зачем тебе?

— Надо,— уклонился я. Не рассказывать же папе, что я уже пообещал Мишке хорошую погоду.

— Ну раз надо,— улыбнулся папа и опять начал что-то решать на счётах,— то я подумаю...

Ночью я мечтал о завтрашнем чуде. И самое важное,

чтобы это чудо сделал мой папа!

Когда я проснулся, было утро. Мама торопила меня в школу, но что-то необычно светло и ярко было на улице.

— Октябрь месяц, а семнадцать градусов тепла!— удивилась мама, поглядев на градусник.

Я засмеялся коротко и опустил глаза: мне не хотелось, чтобы мама поняла, что это сделал по моей просьбе папа.

Пальто я не надел. Зачем пальто, когда на дворе лето! Я выскочил на улицу и увидел Фешина. Он был в шапке и в нейлоновой курточке с шарфиком.

— Ты чего вырядился, как зимой? Я же предупреждал, что папа сделает...

Мишка поглядел на меня ошалело, скинул куртку и стал крутить ею над головой.

— Ура!— кричал Мишка.— Осень закончилась, опять начинаются тёплые дни!

Мы неслись наперегонки и бросали портфели. Когда мы подбежали к школе, то оба уже взмокли.

Духота в классе стояла жуткая. Только вчера в газетах было объявлено, чтобы в школах и детских садах начинали протапливать, и, видимо, утром кто-то с большой радостью взялся за это дело. Ребята сидели красные, а Галина Ивановна боялась открыть окно. Самое страшное, говорила она, сквозняки. Пока всем вроде бы жарко, а наутро весь класс заболит.

И всё же к третьему уроку папа нагнал такую жару, солнце так распалилось, что дышать стало нечем.

— Третий урок проведём на улице, пойдём в лесопарк, будем собирать осенний букет.

— Мы же не девчонки,— сказал Мишка Фешин, но Галина Ивановна его поправила:

— Разве одни девочки любят красивое? Впрочем, Миша, я недавно была на выставке «Природа и фантазия» и видела там удивительные корни. Один корень был похож на слона, другой на жирафа, третий на балерину... Если вы найдёте что-то красивое и интересное, то я смогу ваши находки направить на конкурс.

— Корни — это другое дело,— сказал Мишка.— Я могу такой корень найти, что все сойдут с ума от зависти!

От нашей школы до лесопарка — рукой подать, даже дороги переходить не нужно, Гали-

на Ивановна нас распустила, кто куда хочет, туда пускай и идёт. Мишку я потерял сразу. Облюбовал себе березнячок и начал расхаживать между деревьями, искать корни, очень мне хотелось первому найти чудо природы. Носколько я палок ни поднимал, сколько на них ни глядел — ничего путного так и не увидел. Палки и палки.

— Палица! — заорал вдруг Мишка.— А я палицу нашёл! — И побежал в сторону Галины Ивановны, ударяя своей огромной суковатой палкой по деревьям.

И тут гнилая его жердь хрупнула и сломалась на несколько частей. Мишка махнул рукой, понёсся дальше. Я прошёл мимо обломков, но что-то словно бы заставило меня наклониться и поднять сучок. Я ахнул — в моих руках был Мотыкин портрет. И голова была очень похожа. И туловище.

Рис. Л. Коломеецовой

(Продолжение следует)

Олег БУНДУР

ФЕВРАЛЬ

*Очень странный этот месяц:
То метели куролесят,
То мороз крутой прижмёт,
То теплынь наоборот!..*

*Обмануть в два счёта может:
Днём на землю снег положит,
Ночью сдует — и не жаль!
Верно сказано: феВРАЛЬ!*

Рис. Е. Галеркиной

СКРЕЩЁННЫЕ ШПАГИ

РАССКАЗ-БЫЛЬ

Едва в зрительном зале погас свет, шорохи, приглушённые голоса разом затихли. Перед началом киносеанса показывали документальный фильм о героической обороне Ленинграда. Капитан запаса Сапрыкин, вглядываясь в экран, изумлённо выдохнул и напрягся, будто перед броском в атаку. Перед зрителями проплывало то изуродованный, обуглившийся лес, то извилистые, в рост, ходы сообщения, то замаскированные пулемётные гнёзда, нацеленные на заснеженный распадок.

За распадком матово блестел лёд неширокой речушки да сугробы, смешанные с пороховой и древесной гарью. Из уцелевших деревенских изб сизыми ручейками вытекал дым, вдоль улицы уродливо топорщилась трёхрядная колючая проволока.

Сапрыкин узнал тот самый участок фронта, где ему довелось на Т-34 столкнуться с хваленными гитлеровскими «тиграми». Это был, пожалуй, не самый яростный, смертельный бой, но он в память вошёл хватко — на всю жизнь. Капитан запаса видел, как за его машиной шли в рост морские пехотинцы, как всплёскивались косматые смерчи взрывов, будто хотели расплавить холодный диск солнца. Сколько времени продолжался тот далёкий бой, Сапрыкин не помнит. Но когда из-за холма показался тяжёлый, с широкими траками «тигр» и застопорил ход, ему стало жарко, точно грудную клетку зажали в тисках. К «тигру» правым траком приткнулся Т-34, и два ствола, как скрещённые шпаги, лязгнули и перечеркнули экран.

Сапрыкин знал, что сейчас должны открыться одновременно башенные люки и последует развязка поединка. Но то ли фронтовой кинооператор не придавал этому эпизоду значения, то ли он побежал за цепью наступающей пехоты, развязки не было. Не досмотрев до

конца киножурнал, он поднялся и потащил к выходу слегка упирающуюся жену. Пробираясь в тесноте, тихо говорил: «Извините, прошу прощения».

Вечерело. Низкие плотные тучи полоскали город осенним обложным дождём. Под раскрытыми зонтами спешили куда-то прохожие. Всё вокруг выглядело буднично, обычно. И только из какого-то распахнутого окна в эту плотную массу людей негромко, но отчётливо прозвучало: «Мы даже сердце, как НЗ, не берегли».

— Так как же, кинофильм без нас или мы без него? — обиженно спросила жена, еле поспевая за широкими шагами Сапрыкина. — Кинокомедия с участием Никулина, Моргунова и Вицина!..

Пройдя бульвар, они вошли в городской сад, где было относительно безлюдно, присели на скамью. Закурив сигарету, он скосил глаза на обиженное лицо жены, подумал: «Дьяволы, откуда они эту киноленту выкопали? А я-то до сих пор, более тридцати лет, не знал, что в том бою находился кинооператор. Небось погиб... Тогда многие погибли при сорокаградусном морозе от истощения, ран».

— В кои времена собрались в кино, а он, видите ли, танки увидел. Фронтovou кинолентопись!

— Помолчи, Женечка, — просительно сказал Сапрыкин, — не расплющил нас тогда «тигр». На таран, гад, шёл. Помню, перед рассветом комбат собрал всех танкистов в холодном классе начальной школы. Кнопками прижал к доске фотографию «тигра». «На нашем участке появились гитлеровские танки, превосходящие наши экипажи большего калибра пушкой, весом. Поэтому механики-водители должны проявить всё своё мастерство во избежание лобовых атак. Используйте маневренность — это наше главное преимущество. Экипажи, по машинам!»

Вышли мы из школы, думаем: «Тигры так тигры. Когда-нибудь всё равно нам придётся столкнуться с ними». Рядом со мной поскрипывает валенками механик-водитель, в прошлом рыбак из Азова, шутит: «Не грусти, лейтенант! Живы будем — не помрём. Я потанцую вокруг них, манёвр-ёлочка. В борт им бейте».

Перед рассветом вышли мы на исходные позиции. Не прошло, помнится, получаса, как в деревеньке заурчали немецкие танки. Рассредоточившись, они двинулись самоуверенно, открыто. Всё поле боя горело, взрывалось, «тигры» то пятились назад, то рвались к распадку...

Нырнули мы в жиденький перелесок, думаем, подстережём и ударим в борт «тигру», что вперёд вырвался. А когда обогнули холм, что ты видела на экране, наш танк правым бортом вмазал в левый борт немецкого. На долю секунды всё замерло, потом приоткрыл я люк и вижу — немец тоже приоткрывает. Вылезли до пояса, и тут немец выстрелил. Ну, я не помню, как очутилась в моей руке граната. Бросил, люк едва успел закрыть. После боя смотрим: башню «тигра» отбросило метров за шестьдесят. Из их экипажа в плен брать некого было. Промажнулся, Женечка, тогда фриц! Фуфайку да чуток кожу пуля задела... Не сердись, в кино мы в другой раз сходим.

Сапрыкин поднялся, помог встать жене и, бережно поддерживая её под руку, зашагал к автобусной остановке.

Личная транспортная единица

*Однополчанину
полковнику Рубану К. П.
с любовью посвящается*

Служил в нашем стрелковом полку майор Губин Константин Петрович в должности начальника штаба. Человек он был уже не первой молодости и интересной судьбы.

На шестнадцатом году Костя попал в дивизию Котовского да так с тех пор из седла и не вылезал. Всякий сброд громил юный конник: и белых, и зелёных, и синих, и жовто-блакитных. Потом с басмачами рубился. Да так и пошло: КВЖД, озеро Хасан, Халхин-Гол, западная Украина, Прибалтика и финская кампания...

И вот началась Великая Отечественная. Где уж тут за парту сесть. А между тем майор Губин оказался прирождённым тактиком-штабистом: вдумчивый, осторожный — боевые операции полка разрабатывал по всем правилам военной науки. К тому же память он имел незаурядную — каждого однополчанина поимённо знал. Был майор Губин неукоснительно требователен, но и справедлив. Превыше всего ценил личную храбрость, честность и солдатскую смекалку. И шутку любил и понимал. Сам никогда не унывал и другим не позволял. Нечего и говорить, что мы — зелёная полковая молодёжь — уважали и от души любили этого пожилого офицера.

Однако была у Константина Петровича одна вполне извинительная причуда, над которой од-

нополчане подтрунивали. Почти при двухметровом росте и необычайной худобе ездил наш майор Губин на крошечном коньке-горбунке, так что его ноги в стремях по земле волочились. Ни дать, ни взять — Паганель из кинофильма «Дети капитана Гранта».

Его личная «транспортная единица» — монгольская кобылка была существом престранное. Неказиста: волосатая донельзя, бородастая до неприличия и пузатая, что твой бочонок. Нравом злобная, как цепная собака, и совсем по-собачьи предана своему хозяину. Он её никогда не привязывал; только, бывало, свистнет в два пальца — она тут как тут; вздыбится на задние ноги и ёрзает на хвосте, не то играет, не то свой характер выказывает. Хозяин звал свою лошадку ласково — Маруся. Солдаты её перекрестили в «Манюню с рыжей бородой».

Командир полка не раз укорял майора Губина:

— И охота тебе, брат, возиться с ней! Вон туркменские колхозники трёх жеребцов прислали — выбирай любого.

Но майор Губин посмеиваясь отказывался:

— Жеребцов кормить надо, а моя Маруся сама пропитание находит. Да и резва, как твой страус. Вот только кусачая, шельмочка. Но, но! Не балуй! Ах ты, моя красавица...

А монгольские лошадки — потомки конницы хана Чингиса — и впрямь в еде неприхотливы, если сена нет, всё подряд жуют: и веники, и лист брусничный, и мох-лишайник, и даже голые берёзовые ветки. А поскольку на фронте зимой с фуражом туговато — это очень удобно. Как с таким животным расстаться!

А расстаться всё-таки пришлось. В самом разгаре войны, когда наш стрелковый полк бил фашистов и в хвост и в гриву, приходит приказ: «Персонально майору Губину. Немедленно сдать дела помощнику и убыть на учёбу». Да не

куда-нибудь, а в Москву, в пехотную академию! Ну и ну!..

Однако майор Губин взвился, как Чапаев. «Насмешка! — кричит запальчиво. — Какой из меня академик?» А командир полка (хоть и жалко ему отпустить такого делового офицера) уговаривает:

— Ты у нас такой практик — любого теоретика за пояс за-ткнёшь. — И руками разводит: дескать, приказ—закон. А Константин Петрович ещё пуще ярится.

— Приказы должны быть це-ле-

сообразны! Довоевать человеку не дают!

Тут и мы — молодёжь — вступа-емся.

— Как же так? — недоумева-ем. — Всю жизнь мечтать, а те-перь на попятную? — и тоже уго-вариваем: — Поезжайте! А дово-юем мы и без вас. По вашему на-казу.

Как ни кипятился майор Губин, уехать всё-таки пришлось. Одно-полчане с ним прощались, можно сказать, со слезами: разлука на

фронте встречи не сулит. А уж как трогательно Константин Петрович со своей лошадкой прощался!.. Честное слово, прослезился. Гладит её, в бороду целует. И «Манюня с рыжей бородой», точно чуя разлуку, присмирела, положила на плечо хозяину свою волосатую голову, да так и замерла.

Не просто бросил её хозяин — молодому фельдшеру Володе Нажимову подарил. По-цыгански — из полы в полу недоуздок передал, наказал: «Береги. Цены ей нет». А Вовка наш и рад. И не потому, что пешком ходить надоело: для нас это дело привычное. А ранен он был в ногу в последнем бою. В обороне терпимо, а на марше — мука.

Но недолги были радости, — едва только Володя с помощью санитары Грязнова взгромоздился в седло, держа большую ногу на весу, Маруся точно осатанела. Взивалась на дыбы, крутилась на хвосте, лягалась и при этом визжала совсем не лошадиным голосом. А потом вдруг взбрыкнула, и... след простыл!

Володю мы нашли в густых зарослях дикого шиповника. Бедняга едва не плакал: мало того, что о шипы весь исцарапался, так ещё оказался укушенным в бедро здоровой ноги! Вова, теперь уже хромя на обе ноги, ругался на чём свет стоит, а отойдя малость, категорически заявил: «Пусть сам чёрт на ней катается!»

Так Маруся никому и не далась: ни под седло, ни в упряжку. И решил её начальник тыла пристрелить, потому что она совсем вроде бы взбесилась: всех полковых коней перекусала. И вдруг в один прекрасный день... что такое? На полянке, возле штабной кухни, залиристо-весело на весь лес ржёт Маруся, а на ней верхом... майор Губин! Мы к нему во все лопатки: «Здравия желаем! Что, экзамены завалили?» А он улыбается: «Делом занимаетесь!»

Однако вскоре мы узнали всё, как было, от самого же майора Гу-

бина. Как он ни боялся, но все экзамены свалил с плеч благополучно. Остался один иностранный язык по выбору. Константин Петрович выбрал немецкий, рассудив так: «По-французски ни мур-мур. По-английски — столько же. А по-немецки как-никак, пленных доводилось без переводчика допрашивать, со словарём да военным служебным разговорником. А раз академия военная, стало быть, и текст для перевода будет военный. Что-нибудь да разберём».

Но достался майору Губину текст не военный, а какой-то совершенно неразборчивый. Читал он его и так и этак — ни одного слова знакомого! Даже и заглавие не смог перевести. И, высижив положенное время, отвечать отказался. И напрасно старушка «немка», явно сочувствуя фронтовику, подбадривала и подсказывала. Константин Петрович как отрезал:

— Нет уж, извините, раз не знаю, значит — не знаю.

На том и «кончилось томление духа», по его собственному выражению. Майор наш был рад-радехонек возвратиться в родной полк.

Так наш славный однопольчанин и не закончил академию. Но это ему не помешало встретить Победу в звании полковника, кавалером многих боевых наград и в должности уже начальника штаба дивизии. А что было, то было: из песни слова не выкинешь!

Р а п о р т

Шли последние дни войны. Наша дивизия штурмовала Берлин. А я в Варшаве застряла. Не по своей вине. Генералы штаба нашего фронта, наверное, рассудили так: «Девчонка — строевой офицер, четырежды ранена, два раза контужена да семь раз простужена. Хватит с неё». Вот и придергивали в тылу. Спасибо, что не в резерв упрятали. Но всё равно было досадно, что не в родном полку и не на переднем крае.

А в добавок я и тут была ранена. В пятый раз. Какой-то недобитый фашист из-за угла выстрелил, попал в локоть. Рана зажила почти сразу, я даже и в госпитале не лежала, но рука долго ныла до самого плеча: месяц носила её на перевязи из зелёной медицинской косынки.

А между тем война кончилась, и сразу же началась демобилизация: и раз уехали женщины-фронтовички домой, и два, и третий — последний срок наступает. А про меня точно забыли. Ротой пулемётной командую. Между делом задумываюсь: «Ну, а дальше что? Видно, пришла пора о своей судьбе позаботиться». Обратилась я к комбату с рапортом о персональном увольнении в запас. Не хочется время упустить. Боюсь недоуч-

кой остаться. Не для того воевала от звонка и до звонка.

Внял комбат моему доводу, наложил на рапоре резолюцию да и направил его по инстанции. Я уже и вещмешок свой солдатский собрала, загрустила так, что бессонница напала: это ведь не шуточное дело — с родными знамёнами расстаться! И вдруг приходит ответ: «Старший лейтенант такой-то (моя фамилия в мужском роде) до особого распоряжения увольнению в запас не подлежит!» Ну что ты будешь делать? Это кто-то из штабных работников меня с мужчиной спутал.

Опять служу. И чувствую, что знаний не хватает: за плечами восемь классов да трёхмесячные офицерские курсы и ничего больше. А в моём подчинении коман-

диры взводов из военных училищ полного срока обучения! И главное, хозяйство донимает, в котором я ничего не понимаю. Незаметно для себя я вдруг всяким добром обросла: появились в роте кони, коровы, свинья, и всё это внимания к себе требует — кормить надо!

Всё бы терпимо, если бы не приبلудный козёл Сидор. Кавалерийский полк тут расформировался. Вот сердобольные конники и подкинули мне своё сокровище в надежде, что женщина фронтовую животину не обидит. Так теперь и мучаюсь. Наш Сидор — ужас-ссная скотина! Рожиги — что сабли, и нрава он весьма агрессивного. Чуть что не по нему — так и норовит поддать пониже спины. (А ну, как начальство стукнет или боднёт? Неприятностей не оберёшься...) Да и нельзя сказать, чтобы это был красивый козёл. Сивая бородаща до колен, шерсть клочкастая, грязно-пегой масти и вся в репьях. А на ременном ошейнике все как есть фашистские ордена и медали брякают. Это его однополчане на прощанье наградили. Ни дать ни взять гаулейтер бородатый! На привязи его не удержат, в казарме тоже. Вот он и бродит по всей Варшаве да пакостничает: там цветочки скусал, там деревца обглодал, чьё-то белёе стащил с верёвки и пожевал. Благодарные поляки каждый день ко мне приходят и осторожно жалуются: «Прошу пани. Ваш козэлик шкода...»

— Козэлик! Чёрт с рогами! — ругаю его да плачú за потраву из собственного кармана.

А между тем бородатый Сидор привязался ко мне, как собака: так и ходит по пятам. Я — в штаб, к начальству, и он за мной! Я — в клуб, на танцы, и он туда же. Солдаты меня прозвали на польский лад — «пани с козэликом». Однажды Сидор так нашкодничал, что старшина моей роты Василий Иванович рассвирипел и заявляет: «Расстреляю мародёра перед строем!» Я говорю: «Стреляй, заслу-

жил, и вполне». А потом вдруг жалко стало. Я вспомнила, что Сидор на собственных копытах из-под города Белого с конниками в Европу пришёл!.. Да и не простой это козёл — учёный! Службу назубок знает. На ротное построение первым прибегает. Встанет на правый фланг по команде «смирно» и бороду вверх! Комбат ругается: «Прогони своего идола! Генерал едет!..» А куда я его прогоню? Да и за что? Он же строй не нарушает. Вот так и мучаюсь. А когда Сидор пляшет под гармошку да ещё и вприсядку — хохочут все.

А служить мне всё труднее. Моя ротная фронтовая канцелярия, к примеру, умещалась в полевой сумке писаря Ивана Ивановича. А теперь у меня — целый штаб: старший писарь, просто писарь и ещё писарёнок. И стало мне как-то уж очень скучно. Да и домой, в Россию, хочу!.. И в то же время с армией расстаться прямо-таки невыносимо: прикипела сердцем к солдатской службе, к воинскому уставу... Подумала я, подумала и обращаюсь к комбату, на учёбу прошу послать. Комбат не возражает, а меня сомнение одолевает: наверняка на офицерские высшие курсы женщин не принимают. Вот я и прошу комбата во избежание недоразумения запрос предварительно сделать: объяснить, что хоть я по природе и женщина, но воевала, да и теперь мужскую должность занимаю. И, стало быть, имею полное право. И на это комбат согласен. Что и как написал комбат, не знаю, не читала. А через месяц ответ приходит. С волнением вскрываю конверт — здравствуйте! «Женщины на курсы не принимаются». Комбат заливаясь-хохочет, а я едва не плачу. Эх, думаю, всё, круг замкнулся!

Первый раз за всю службу я нарушила солдатскую субординацию. Написала рапорт вольного стиля сразу в десяти экземплярах да и послала во все инстанции. А рапорт был такой: «Дорогие товарищи командиры и начальники

всех рангов, званий и должностей! Разберитесь, в конце концов, и дайте мне персональное увольнение в запас по следующим причинам:

1. Свою послевоенную службу в роли строевого офицера считаю малополезной, а главное, бесперспективной, поскольку вы, товарищи мужчины, всё равно ни одной женщине не позволите дослужиться до генерала. И вот вам пример: третий год хожу в одном и том же звании и на одной и той же должности.

2. Ощущаю постоянную потребность немедленно поступить в ка-

кое-либо творческое заведение, ибо всякий раз, когда сочиняю частушки для «боевого листка», чувствую, как меня одолевает литературный талант. А таланты надо поддерживать и развивать».

Своё сочинение я показала комбату. А тот и глаза вытаращил:

— Ты что?! Ведь все полковые кони будут хохотать!

— Пусть хохочут! — отрезала я. — А что решено, то решено!

Не знаю, смеялись ли те, кто получил мой рапорт, но демобилизовали меня с почётом.

Рис. Ю. Шабанова

Внимание: КОНКУРС!

болгарского карикатуриста Георги Чавдарова. Срок — до 20 марта. Укажите своё полное имя, фамилию, класс, школу и домашний адрес с почтовым индексом.

За лучшую подпись — премия.

ЖЮРИ

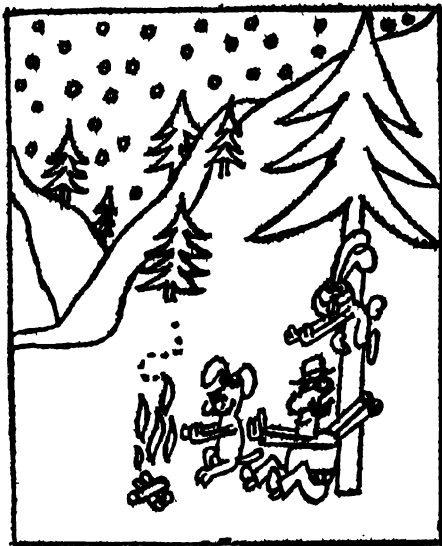
Очень многие читатели взялись за перо, увидев в «Искорке» № 10 очередное задание для острословов. Некоторые не стали ломать голову над остроумными стихами, а подобрали пословицы. К примеру, такую: «Не зная броду, не лезь в воду!»

Однако жюри отдало предпочтение стихам. На этот раз наиболее удачной оказалась подпись Саши Антоновой с Волотной улицы (а класс и школу она забыла указать):

«Если крабов ты боишься,
То в герои не годишься!»

Ей и выслали премию — весёлую книжку.

Сегодня — новое задание острословам: придумайте весёлую подпись (лучше в стихах) к рисунку

ВОЛЫТ СУСЛОВ

С АВТОМАТОМ И КАРАНДАШОМ

(К рисункам на 2-й странице обложки)

Небольшие, пожелтевшие от времени странички альбома... Беглые, мгновенные карандашные наброски на них: портреты солдат, идущие в атаку танки, развалины поверженного Берлина... Теперь они уже не просто рисунки. Это — документы, живые свидетели грозных дней войны и нашей победы. И ещё — свидетели подвига.

Рисовал их солдат. В перерыве между атаками, штурмами, перестрелками. Рисовал под пулёмётным огнём и в грохоте орудий. Частенько приходилось откладывать карандаш и браться за автомат. На листах альбома возникали портреты его однопольчан и незнакомых солдат, сражавшихся рядом. Сколько дорог прошёл он, чтобы встретиться с ними — с этими солдатами!.. И каких дорог!..

В марте 1942 года он пробирался вместе со своим младшим братом Ваней через запретную фронтовую зону. В борьбе за спиной лежали листовки... Братьев схватили, долго пытали в гестапо... А вскоре колёса товарных вагонов, отстукивая длинные километры, понесли его от родного Донбасса — на запад... В неволю. В фашистскую Германию.

Потянулись дни, затянутые колючей проволокой: пересыльная тюрьма в Бресте, лагерь смерти Дахау... Толе удалось вырваться оттуда. Помогли немецкие коммунисты-антифашисты. Они сменили ему лагерь номер. Теперь он был уже человек № 18 963, и его перевели в другой концлагерь — во Франкфурт-на-Майне.

Но и этот лагерь оказался не последним. Следом пришла Мюнхенская тюрьма, потом Шталаг 306-Б на линии Манжино, на границе с Францией. А потом Толю продали. Отсортировали в лагере Ольпе и повели на аукцион «рабочей силы».

Работать хозяин заставлял с утра до ночи, кормил впроголодь, а бил щедро. Не было минуты, чтобы Толя не думал о родине, о победе. Незаметно копил сухари, соль, спички, раздобыл нож... Бежал он ночью: обвязался верёвкой и выпрыгнул в окно со второго этажа. Потом случилось несчастье: Толя сорвался с насыпи, вывихнул ногу, потерял сознание. И вскоре услышал знакомое: «Халыт!»

Очень тогда заинтересовалось им гестапо. Забрало в свой штрафной лагерь в городе Зиген. Так уж получилось, что при обыске у Толи нашли альбом с карикатурами на фашистов. За столь страшное преступление Толю приговорили к смертной казни. Но привести приговор в исполнение гестаповцы не успели: Толя снова бежал. Тогда, в конце 1943 года, в победе ему помогли антифашисты — француз и бельгиец. Они зарыли Толю в гравий на железнодорожной платформе, а ночью Толя раскопался, выскочил со станции и опять побрёл на восток...

Да, их было много — этих фашистских застенков, тюрем, лагерей, — целых шестнадцать! Были ещё и польские болота, и штеттинские подземелья, всё было... Долгие дни, месяцы, годы... И всё-таки Толя встретил своих под Берлином! Они пришли к нему сами — в далёкий немецкий городок. Сначала встретился с маленькой группой разведчиков нашей армии. Но взять его с собой разведчики не могли: задание не позволяло этого сделать. Обещали, что вернутся, и слово своё сдержали. С той, второй группой разведчиков, Толя уже принял бой: помогал удерживать мост до подхода наших основных сил. В этом бою он был ранен, но в госпиталь идти отказался. Семнадцатилетним добровольцем вступил он в ряды Советской Армии, вместе с гвардейцами армии генерала М. Е. Катюкова пошёл на Берлин.

22 апреля 1945 года, в день рождения В. И. Ленина, молодой боец А. Первеев принял воинскую присягу.

Недавно в Донбассе, в городе Торезе, была устроена персональная выставка работ ленинградского художника Анатолия Михайловича Первеева. Выставка тех самых рисунков, что родились в пылающем Берлине. Со стен, из-под стёкол смотрели на посетителей десятки портретов солдат — русских, украинских, грузинских, казахских парней, поставивших последнюю точку в кровопролитной войне. И что бы вы думали: четыре человека узнали себя! Обрадовались, зашумели, побежали созывать сюда всех своих родственников и друзей! Пошумев, с трудом, но всё же признали в художнике того изнурённого парнишку, который и впрямь рисовал их тогда — в том далёком сорок пятом году...

Атомный ледокол

*Там, где тишина так ощутима,
Что, пожалуй, можно в руки взять,
Крошка-атом водит исполина,
Режет ледокол немую гладь.*

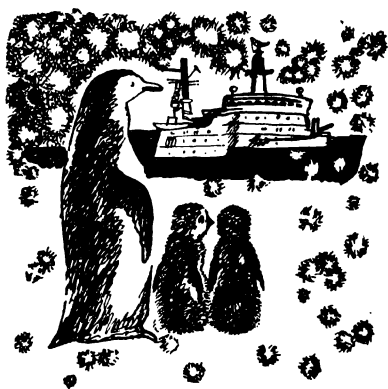

Рис. Е. Галеркиной

Весёлый хор

*Пляшут бабочки на клумбе,
как ребята в переменку,
В такт им весело кивают
колокольчик и тюльпан.
Если б были у нас крылья,
мы бы с ними поплясали,
Правда, нам и так не скучно:
ты — труба, я — барабан.
Ты трубишь, я барабаню,
ты запел, я подпеваю,
Собираются ребята,
вот у нас уже и хор.
Вышел дедушка с гармошкой,
папа с флейтой, брат с гитарой.
Не бранится, не скандалит,
а поёт наш дружный двор.*

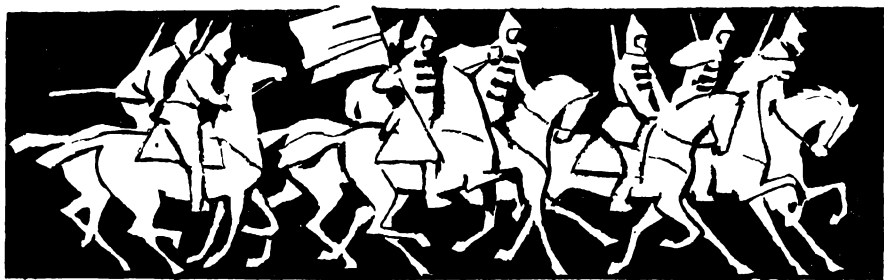

Наука жизни

*Я учусь выбирать друзей
И не путать зеркальный блеск
С блеском солнца на ранней росе.
Я учусь выбирать друзей
И не прятаться под зонтом,
А идти с открытым лицом,
Улыбаясь, навстречу грозе.
Я учусь понемногу жить,
Разговоры не путать с делом,
И, пускай пока неумело,
Ложь от правды зочу отличить.*

Наташа ДЕСЯТСКОВА,
4-а класс, 179-я школа

Подвижно

1. В седом дыму и пламени вста-
 ет эпоха в памяти, про-ходят годы строем, как бой-цы. *Вспуг.*
 нув степей безмолвие, клин-ки бьются, как молния, в по-хо-де Ре-во-лю-ции и гон-
 цы. Бу- дё- нов-ка, бу- дё- нов-ка! Свин-
 цом вскипает в поле ве-тер, тво- я звез-да, бу- дё- нов-ка, сквозь

Б У Д Ё Н О В К А

Музыка Михаила ЛАЗАРЕВА

Слова Валерия ШУМИЛИНА

*В седом дыму и пламени
Встаёт эпоха в памяти,
Проходят годы строем,
Как бойцы.
Вспугнув степей безмолвие,
Клинки блестят, как молнии, —
В походе Революции гонцы.*

ПРИПЕВ:

*Будёновка, будёновка!
Свинцом вскипает в поле ветер.
Твоя звезда, будёновка,
Сквозь годы ярко светит.*

*Ушли бойцы на пенсию,
Но боевою песнею
По-прежнему их молодость живёт.
Рассвет взметнулся знаменем,
Полнеба сразу занял он,
И кажется, труба в поход зовёт.*

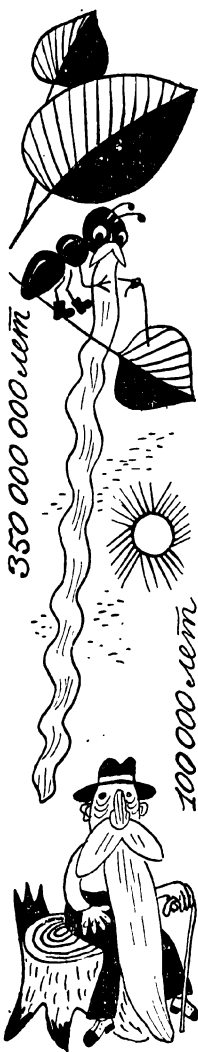
ПРИПЕВ.

*Пуškai теперь романтики
Мечтают о Галактике,
Романтика пришла к нам
с Октябрём.
Гражданская припомнится:
Летит шальная конница,
И песню запекает эскадрон.*

ПРИПЕВ.

Рис. В. Орлова

Действительно — для чего? С какой стороны ни посмотри — не нужен он человеку, и всё!

Да только ли бегемот? А тысячи других животных, которые населяют нашу планету? Для чего они нужны человеку?

Увы, далеко не сразу люди поняли, что все животные нам нужны, даже хищники, даже такие, казалось бы, совершенно бесполезные, как бегемоты, такие опасные, как крокодилы. Нужны даже комары!

«Хомо сапиенс» (человек разумный) появился на земле примерно сто тысяч лет назад. Насекомые появились на земле примерно 350 миллионов лет назад.

Другие обитатели нашей планеты: земноводные и пресмыкающиеся, птицы и звери «моложе» насекомых, но и они значительно «старше» человека. Когда на земле появился «человек разумный», он далеко не сразу разделил окружающий его животный мир на две части: полезные и вредные.

Всё началось гораздо позже, когда человек начал заниматься сельским хозяйством и разводить стада. Вот тогда-то он и решил, что есть на земле вредные и полезные животные. Вредные опустошают поля и совершают набеги на стада, полезные дают молоко, шерсть, мясо, кожу, таскают повозки.

Как просто! И вроде бы справедливо: миллиардные армии шестиногих нападают на поля и уничтожают урожай, обрекая целые народы на голод. Самые различные животные переносят заразу, вызывают эпидемии.

С эпидемиями люди постепенно научились бороться. А вот с вредителями сельского хозяйства борьба идёт не так успешно, несмотря на все старания. В среднем четверть всего мирового урожая пшеницы, картофеля, фруктов уничтожают насекомые и грызуны. Миллиард человек можно было бы прокормить этими продуктами! Стоит ли сомневаться, что люди совершенно правы, объявив насекомым и грызунам смертельную войну? Стоит. Потому что на своих соседей по планете люди смотрели очень предвзято и не видели всей истины.

В небольшом городке жил некий школьный учитель. Звали его Конрад Шпренгель. Шпренгель был любознательным, наблюдательным и упрямым человеком. И эти качества сыграли с ним злую шутку.

Во время одной из прогулок Шпренгель увидал «рогатых» насекомых. Потом он заметил, что рога у них то появляются, то исчезают. В конце концов Шпренгель понял, что рога эти — комочки пылицы, которую насекомые переносят с цветка на цветок. Шпренгель открыл «тайный союз» цветов и насекомых! Он понял, что цветы и насекомые совершенно необходимы друг другу.

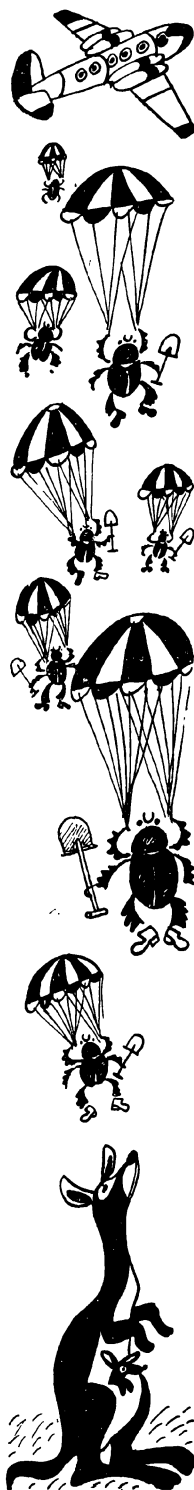
В 1793 году Шпренгель выпустил книгу, которую назвал «Раскрытая тайна природы». Увы, Шпренгелю никто не поверил! Он прослыл чудаком и умер в нищете, всеми забытый. Прошли годы, пока люди поняли, что чудаком учитель был прав. Мало того — он сделал величайшее открытие: большинство растений не может существовать без насекомых. А если бы насекомые исчезли, на Земле прекратилась бы жизнь!

Ну, хорошо, насекомые нам необходимы. А как быть с теми, кто губит посевы и портит древесину, уничтожает продукты и разносит болезни? Ответу и на этот вопрос. Только давайте сначала уточним: много ли таких насекомых? Оказывается, вредящие насекомые составляют лишь одну десятую часть всего шестиногого населения Земли. А из этой десятой части, в свою очередь, лишь одна десятая вредна по-настоящему. Получается, что уничтожать надо всего лишь одну сотую, то есть один процент, из общего количества известных сейчас на Земле насекомых.

Но давайте не будем торопиться с выводами. Выясним прежде, кого всё-таки надо считать вредным. Вот бабочка — прекрасный опылитель, очень важный и нужный, а её гусеница уничтожает листья на деревьях. Как же быть? Ведь нельзя же оставить бабочку и уничтожить гусеницу. Или попробовать подсчитать, сколько приносит пользы бабочка и сколько вреда гусеница?

Люди давно научились подсчитывать. Известно, что пчела, опыляя растения, приносит в 50 раз больше пользы, чем давая мёд и воск. Известно, что на каждого человека приходится примерно 250 миллионов насекомых, то есть в пересчёте на вес — около четверти тонны шестиногих. Даже это подсчитали люди. А вот вычислить пользу или вред одного и того же насекомого очень трудно. Потому что понятия эти весьма относительны: в одних условиях насекомое может быть полезно, в других — вредно. Даже какая-то часть вреда, который приносят насекомые, может быть зачтена им как... активная польза.

В лесу, например, очень нужны гусеницы, и не какие-нибудь, а именно те, которые объедают листву на деревьях. Подсчитано даже, сколько таких гусениц должно быть: 200—300 килограммов на гектар леса. Осенью деревья сбрасывают листья, это всем известно. Но далеко не все знают, что листьев опадает гораздо меньше, чем вырастает. Если бы опадали все листья, рано или

поздно деревья задохнулись бы в собственной листве! Но этого не происходит, потому что примерно половину листьев уничтожают гусеницы. Подумайте теперь: вредители они или нет?

Лесу нужны гусеницы, а степям нужны навозные жуки. Из-за них, вернее из-за их отсутствия, в Австралии недавно чуть не произошла катастрофа — огромные плодородные пространства едва не превратились в безжизненную пустыню. Люди вынуждены были срочно, самолётами завезти в Австралию тысячи и тысячи навозных жуков. Ибо только эти жуки (да ещё некоторые черви) могут перерабатывать навоз крупных травоядных животных, которых на равнинах Австралии немало. Но там по каким-то причинам жуков почти не осталось. Люди этого и не заметили. Но когда навоз закрыл почти всю почву и всё живое оказалось на грани гибели, они спохватились... И, слава богу, вовремя!

Итак, теперь мы с тобой убедились, что без насекомых наша планета не может жить (исключение составляют разве что клопы, блохи и им подобные). Даже уменьшение их количества может привести к трагедии. Почему? Об этом я уже рассказывал. Но это не всё: уменьшится и количество других животных. Вспомните-ка, чем питаются рыбы, лягушки, жабы, ящерицы, птицы и многие звери? Насекомыми! Даже комары, эти опасные и надоедливые кровососы, нужны: в тундре, где мало других насекомых, они чуть ли не основные опылители растений, в других местах они едва ли не главная пища мелких рыб и птиц. Вот и разберись тут — вредные комары или полезные!

Конечно, если количество насекомых резко увеличится, они станут угрожать жизни человека. А размножаются шестиногие в колоссальных размерах: выжившее целиком потомство одной комнатной мухи, построенное в линию, протянулось бы от Земли до Луны! Одной, а сколько их на Земле! Всё живое на Земле давно бы погибло, если бы... не было насекомых-хищников, насекомоядных зверьков, насекомоядных птиц.

«Ага,— скажешь ты,— если эти птицы и звери такие полезные, то те, другие, которые их уничтожают, уж точно вредные!»

Да, так люди и думали испокон веков. Били коршунов, соколов, ястребов, орлов... И не замечали, что чем меньше становилось хищных птиц, тем больше появлялось грызунов. И меньше — хлеба. Основная пища хищных птиц — грызуны. Они занимают в рационе хищников 85—90 процентов. Одна мышь за год съедает килограмм хлеба. Одна сова за год уничтожает тысячу мышей. Простая арифметика: одна сова сохраняет нам, людям, тонну хлеба в год! Как долго люди и не догадывались об этом! Гремели выстрелы, гибли миллионы и миллионы хищных птиц. И гибли поэтому сотни тысяч тонн хлеба!..

В начале нашего века в Норвегии решили уничтожить всех хищных птиц: они-де истребляют белых куропаток. Покончили с хищниками. И что же? Первые годы куро-

патов, действительно, было очень много. Но прошло несколько лет, и количество этих птиц уменьшилось чуть ли не в двадцать раз. Выяснилось, что птицы гибли от какой-то болезни. Но при чём же тут хищные птицы? А они в первую очередь как раз и уничтожают больных животных. Здоровые-то легче уходят от преследования. Иными словами, для нормальной жизни животных необходимы хищники.

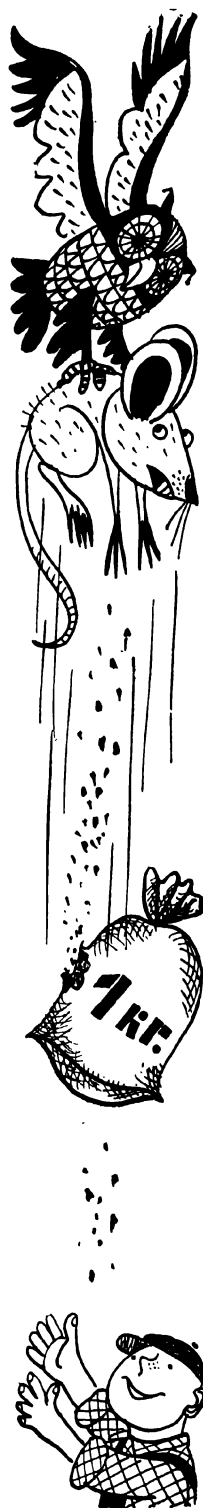
В конце прошлого века на Британских островах уничтожили всех волков и в честь этого в 1880 году в маленьком английском городе Кармантене соорудили памятник. Что ж, событие это вроде вполне достойно памятника. Волки — хитрые, сильные, опасные хищники. Они могут подолгу голодать, но в то же время один зверь способен съесть сразу 25 килограммов мяса. До революции лишь в европейской части России от волков ежегодно гибли по крайней мере 750 тысяч голов скота.

Вот и уничтожили волков, сначала в Англии, а потом, к примеру, в штате Аризона (США). Аризонцы имели свои резоны: волки губили оленей. Но прошло немного времени, и число оленей стало быстро сокращаться. Скоро их стало намного меньше, чем было до истребления хищников. Ты уже, наверное, догадался, что в Аризоне с оленями произошло то же самое, что в Норвегии с куропатками, — началось массовое заболевание и гибель животных. Сказалось отсутствие волков — ведь волки уничтожали и падаль, которая сама по себе уже источник заразы, и больных животных — переносчиков и распространителей болезни.

Однако не только этим спасали волки оленей. Исчезновение хищников позволило поголовью оленей беспрепятственно увеличиваться. Этого и хотели люди. Но они не учли одно очень важное обстоятельство: сильно размножившиеся олени уничтожили всю растительность и стали погибать от голода.

Примеров таких можно привести немало. В Кении, скажем, уничтожили всех леопардов. А вскоре после этого люди заметили, что количество обезьян бабуинов стало быстро увеличиваться. Им уже не хватало еды в лесу, и они начали уничтожать посевы. Ещё один любопытный пример. Койотов — луговых волков — в США считали убийцами ягнят и беспощадно уничтожали. Только в 1962 году в Калифорнии на борьбу с койотами затратили 90 тысяч долларов. А когда подсчитали ущерб, наносимый этими хищниками, выяснилось, что он составляет всего 3,5 тысячи долларов...

Вот теперь давай и рассудим — нужен ли нам хищник? При определённых условиях просто необходим. Недаром во многих странах, и в СССР в том числе, хищные птицы взяты под охрану. Не случайно в Польше учёные требуют ограничить охоту на волков, не зря в ГДР, Югославии, Финляндии и других странах запрещена охота на рысей. Люди пересматривают сложившиеся тысячелетиями взгляды на хищников. На волков, рысей, на тигров и львов, на леопардов и ягуаров, на медведей и лисиц, на пум и крокодилов... Да, и на крокодилов тоже.

Во многих местах крокодилы были полностью истреблены. Но тут выяснилось, что водоёмы от этого не стали безопаснее. Наоборот — многие озёра, ещё недавно совершенно чистые, стали источниками заразы, многие реки стали ещё опаснее — в них расплодились хищные рыбы, в частности, пирании. Небольшая стайка этих рыбёшек в считанные минуты может не только убить, но и обглодать до костей даже таких крупных животных, как лошади или волю. Не сразу поняли люди, что причиной всего этого было истребление крокодилов. Оказалось, что основная пища крокодилов — падаль. Поедая падаль, крокодилы очищали водоёмы, в том числе и от хищных рыб.

Ну, а теперь поговорим о бегемоте. Он — не хищник, а животное травоядное. Пользы от него как будто бы никакой. И действительно, если в каких-то местах бегемотов становилось меньше, никаких неприятностей не наблюдалось. Правда, учащались эпидемии и прибрежные поля после дождей превращались в болота, но при чём тут бегемот? А вот при чём. Бегемот питается различными водорослями, значит не даёт водоёмам зарастать. Но главное — не это: на водорослях, которые поедают бегемоты, живут моллюски, а в них — возбудители тяжёлых болезней. Бегемоты поедали водоросли; без водорослей не могли жить моллюски, а без моллюсков не могли распространяться болезни. Не стало бегемотов — разрослись водоросли, размножились моллюски, а вместе с ними — возбудители болезней.

Ну, а вода на полях? Грузные, неповоротливые бегемоты с трудом могут спуститься с берега в воду. Они протаптывают тропинки, проделывают спуски к воде. Тропинки и спуски становятся вскоре довольно глубокими и широкими. По ним во время дождя устремляются в реку потоки воды. Но вот исчезли бегемоты, некому было сооружать эти каналы. И вода стала задерживаться на полях, превращая их в болота.

Ну, а теперь ответ — нужен ли человеку бегемот? В данном случае — нужен. А вообще? А вообще — попробуй-ка сказать, нужен ли тебе лично кот, живущий в соседнем подъезде, а зяблик, свивший гнездо в американской прерии? Не сразу понял человек, что между различными представителями природы на Земле давным-давно сложились определённые, очень тесные отношения. Они, эти животные или растения, не были друг для друга ни полезны, ни вредны — они были необходимы друг другу.

Я знаю: ты не охотишься на леопардов и не уничтожаешь бегемотов, ты вряд ли бывал в джунглях или саваннах. Но ты бывал в лесу. Видел ты там полезных и вредных животных? Нет! «В лесу стихийном или девственном нет ни вредных, ни полезных животных — там все полезны для леса». Запомни эти слова. Они принадлежат замечательному человеку — знаменитому русскому лесоводу Георгию Фёдоровичу Морозову.

НЕЖДАННЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ

Мой домик в Сочи стоял в саду. И вот как-то к вечеру на крылечке появилась жаба. Прыг, прыг! Переползла комнату и уселась под столом. «С чем пожаловали?» — шутя спросил я свою гостью. В тот момент мне даже в голову не пришло, что появление жабы — грозное предупреждение и пожаловала она с дурными вестями. Всё это я понял позднее, а в тот момент даже обрадовался.

Я симпатизирую этим полезным и интересным животным. У жаб превосходная память. Каждый год, проснувшись весной от зимней спячки, они отправляются к тому водоёму, где появились на свет, чтобы отложить там икру, а затем возвращаются в свои «угодья» за два-три километра и никогда не ошибаются адресом. Жаба не только помнит свой район, но и норку, которую она роет, если не отыщется подходящее естественное укрытие. Такие норки бывают до сорока сантиметров глубиной. В них жаба отсиживает, пока не настанут сумерки, тогда она выходит на охоту — жуки, гусеницы, кузнечики, слизняки — всё годится.

Что наши жабы ядовиты, верно только отчасти. Да, у них есть железы, выделяющие ядовитые вещества, но это лишь защита от хищников, а для человека эти выделения безвредны. Жабы обладают способностью видеть ультрафиолетовые лучи и живут в неволе около сорока лет! Согласитесь, что жабе есть чем похвалиться! Но почему же жаба явилась ко мне?

Ответ пришёл часа через два. Вдруг поднялся сильный ветер. С каждой минутой он крепчал, и вот уже высокие кипарисы и пирамидальные тополя гнутся, как хлысты, под напором ураганного ветра. Мне захотелось посмотреть яростное буйство стихии, и я пошёл к морю. На морском побережье ураган крошил топчаны, навесы, опрокидывая и ломая кабины. Мужчина и женщина хлопотали в лодке, привязанной в отдалении от моря. Вдруг на берег обрушилась огромная волна — она подхватила лодку с людьми, и в ту же секунду они исчезли в бушующем море. Я оцепенел от случившегося — у меня на глазах гибли люди...

Но новая чудовищная волна ринулась на пляж и выкинула лодку с людьми на берег. Они не оглядываясь бросились бежать что было сил. По воздуху носились обломки досок и пляжных зонтов, вырванных из земли и растерзанных в клочья. Обычно люди даже не представляют себе титаническую силу урагана. Рассвирепевшая стихия старалась всё сокрушить, и, когда промчавшаяся по воздуху ножка стула словно стрела вонзилась в стенку сарайчика, я поспешил домой.

Так вот почему ко мне явилась жаба — она «знала» о надвигающейся катастрофе и искала более надёжного укрытия. Мой живой барометр прожил у меня два дня. На третий день, к вечеру, жаба не спеша вскарабкалась на порог и решительно направилась в сад. И хотя мне очень нравилась моя непрошенная гостья, но я невольно пожелал, чтобы больше её визит не повторился!

Рис. Е. Галеркиной

Прерванное чаепитие

Вот какую историю рассказал мне знакомый.

Жил он на юге, в Крыму. Был у него собственный дом с садом. В саду за забором всегда было тихо и покойно. Вечерами, когда перед заходом солнца в воздухе носились и верещали сотни ласточек и стрижей, жена знакомого любила пить чай из самовара. Но какой же чай без беседы? Потому она и приглашала к себе соседку.

В комнате с распахнутыми окнами сидят они у самовара, прихлёбывают пахучий чай и беседуют. Вдруг в окно влетела ласточка. Сначала она тревожно пометалась из угла в угол, а потом неожиданно подпорхнула к лицу хозяйки, начала трепыхать крыльями и жалобно пищать.

Хозяйка испугалась, расплескала чай на скатерть, замахала руками. Ласточка улетела, но тут же вернулась обратно. И ещё настойчивее заметалась над столом. На шум в комнату вошёл хозяин. Ласточка при его появлении метнулась и к нему.

— Эге! — сказал хозяин. — Тут что-то не так. Надо посмотреть!

Они вышли во двор. Ласточка с тревожным писком влетела под крышу дома и вновь бросилась к людям.

— Батюшки! — крикнула хозяйка. — Смотри-ка! — И она показала на плющ, вившийся до самой крыши. Рядом с ним, под карнизом, прилепилось ласточкино гнездо, а из плюща к гнезду тянулась хищная голова гадюки. Хозяин схватил палку и скинул змею в канаву за забор. Ласточка сразу перестала пищать и радостно закружилась вокруг дома.

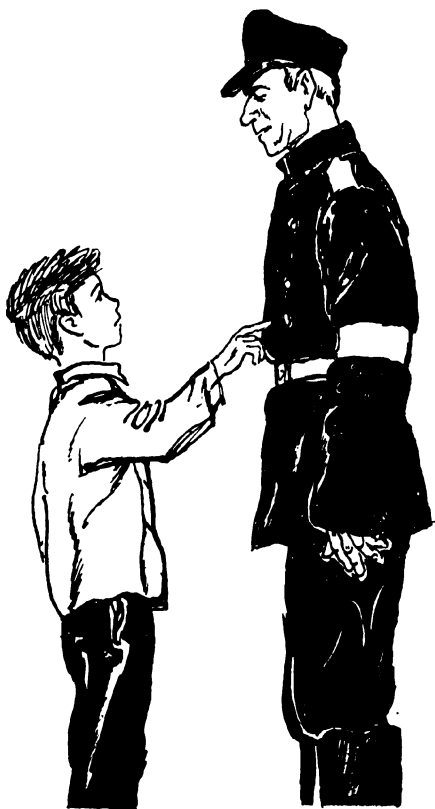
Люди постояли во дворе и вернулись в дом. Они продолжили прерванное чаепитие, беседуя о том, что вот всё живое в мире боится человека, а всё же в минуту опасности именно к нему обращается за помощью. Почему бы это? А видно оттого, что человек в такой помощи никогда не отказывает. Не должен отказывать!

К фотографии на 3-й странице обложки

ПИОНЕРЫ 67-й ленинградской школы очень гордятся, что столицей XI Всемирного фестиваля молодежи летом 1978 года станет Гавана — столица республики Куба. В этой стране у них много друзей. С ребятами школы имени 26 июля города Сантьяго де Куба они постоянно обмениваются письмами, сувенирами, рисунками, фотографиями. Но их кубинские друзья не все находятся за океаном, некоторые даже сидят с ними за одной партой. 67-я школа единственная, где учатся кубинские школьники, которые приехали с родителями в наш город. Очень много интересных дел проводят советские и кубинские пионеры. Но самой большой популярностью пользуется ансамбль, где главными запевалами выступают ученицы 7-а класса Бетси Мартинес и Ксиомара Гарсес.

ФЕДЬКИНЫ КАНИКУЛЫ

ВО ВРЕМЯ каникул Федька, как всегда, жил у тётки Насти в селе Песчаном, что спряталось в густых приднепровских лесах. Парнишке хорошо жилось на селе. Родственники относились к нему, как к родному сыну. Своих детей у них не было. И Федька любил их, особенно дядю Андрея — высокого, сильного. Обычно в субботу дядя приходил из кухни и, заметив во дворе Федьку, кричал хриловатым голосом:

— Ну, накопал червяков? Завтра раненько отправимся на рыбалку.

— Снова за своё! — недовольно ворчала тётка.

А в то памятное воскресенье они никуда не пошли: началась война. Федька не сразу понял, что это такое. Про войну он любил смотреть в кино, читать в книжках. Со своими сверстниками часто играл в «белых» и «красных». Теперь он рвался домой, но тётка не отпускала. Она созналась Федьке, что мать его погибла в дороге от бомбы, а отец ушёл на фронт. Федька тяжело принял эту весть.

Страшные настали дни. Села — не узнать. Обезлюдели улицы. Не слышно стало ребячьих голосов. Ещё задолго до того, как фашисты заняли село, дядя Андрей куда-то исчез и возвратился только через месяц. Весь день сидел дома, а вечером ушёл — куда не сказал. Молчала и тётка.

Прошло несколько дней.

Как-то, сидя у окна, Федька заметил, что к хате направляется незнакомец в мундире полиция.

— Тётя, закрой двери!

— Зачем?

— Полицай к нам идёт.

Тётка равнодушно махнула рукой. Цокнула защёлка, заскрипели двери. Федька тревожно посмотрел и оторопел...

— Что, не узнал? — произнёс дядя Андрей.

— Зачем вы надели это? — ткнул Федька пальцем в мундир.

— Тебе не нравится?

Мальчишка ничего не ответил. Лицо его болезненно перекосилось, и он выскочил из хаты, громко хлопнув дверью. Бросившись в бурьян за хатой, Федька горько заплакал. Его родной дядя стал полицаем! Как теперь смотреть в глаза товарищам? Что сказать своему другу Тарасику? У него отец тоже на фронте, а мать умерла ещё до войны. Остался он со старым и больным дедушкой.

— Федька! — послышался тёткин голос. — Ну чего ты, глупенький, разгневался на дядю?

— Какой он мне теперь дядя? Предатель он! — сквозь слёзы бормотал Федька. Недоверие терзало мальчишечье сердце.

ОДНАЖДЫ, возвращаясь с речки, Федька услышал, как в хлеву что-то зашуршало. До войны там держали свинью. Теперь хлев стоял пустой. «Может быть, крыса?» — подумал он и, подкравшись на цыпочках, заглянул в щель. Дядя Андрей что-то накрывал соломой. «Что он там прячет?» Чтобы дядя не заметил его, Федька потихоньку отошёл прочь.

Как только дядя вышел из дома, а тётка — на огород, Федька уже разгребал в хлеву солому. Пусто. Хотел уже уходить, но вдруг нога провалилась в щель, и доска так стиснула косточки, что он едва не закричал. Освобождая ногу, обнаружил под полом мешок. Пощупал — твёрдый. «Что же это может быть?» Долго возился, пока развязал его. Перед ним лежали настоящие пистолеты, гранаты, патроны. «Неужели какую-нибудь операцию против партизан затевают?»

Федька не знал, что делать. Оставить всё так, как было, или... И не вытерпел: взял гранату, пистолет, завязал мешок, засыпал соломой. И, убедившись, что никого нет, незаметно шмыгнул к берегу. Оружие спрятал в дупле старой, израненной снарядом вербы, а сам задворками побежал к Тарасику.

До войны у деда Тарасика была большая, просторная хата. Теперь из разрушенных стен торчала жёлтая печная труба. Под жильё они приспособили сарай, стоявший в конце двора.

— Привет! — обрадовался Федька, увидев Тарасика возле дровяного сарая.

— Здравствуй! — мрачно ответил тот. — Правда, что твой дядька поступил в полицаи?

— Правда, — не раздумывая ответил Федька.

Тарасик нахмурил лоб:

— Вот гад! Убить его мало.

— Тётка сказала, что так надо, — виновато молвил Федька.

— Как это «так надо»? Все пошли на войну. Кроме учителя физики. Так его по состоянию здоровья не взяли. Ты его знаешь?

— Как-то видел. Такой... в очках.

— Недавно его арестовали.

— Арестовали? За что?

Тарасик пожал плечами.

— Не знаю. Ночью пришёл немец с твоим дядей и забрали.

Федька ничего не сказал, только смущённо ковырял носком ботинка сухой песок.

— Ладно, — уже мягче сказал Тарасик. — Хоть он тебе и родной дядя, а дружить мы будем.

Федька возвращался домой берегом реки. И вдруг увидел, что к обрыву приближаются двое. Впереди шёл человек с завязанными руками, а за ним — с автоматом наготове его дядя. Люди говорили, что на этой круче фашисты расстреливают непокорных. Тела их падают в речку и бесследно исчезают. Побегать и взять в дупле пистолет? Мальчишка даже оглянулся, поискав глазами вербу. Нет, не успеть! Метнулся в кусты. Подполз так близко, что узнал в конвоируемом учителя физики. Значит, Тарасик сказал правду! Что делать? Федька пошарил руками по земле, отыскивая камень, чтобы швырнуть в полицаи, но в эту минуту застрочил автомат. Федька задрогнул и застыл на месте.

Дядя неторопливо повернул назад, в село. Федька мгновенно выскочил из кустов, миновался к обрыву, пристально вглядываясь в гладь реки. Всё было тихо и спокойно.

До позднего вечера Федька просидел у берёзы. Домой возвращаться не хотелось. «А что, если?..» И мальчишка обрадовался мысли, которая мелькнула в голове. «Вот только бы узнать, когда тётка будет печь топить». Озабоченный своими думами, Федька вошёл во двор.

— Где ты шатаешься-то допоздна?

В сумерках мальчишка не заметил тётку, сидевшую на завалинке. Он потоптался возле порога, но ничего не ответил.

— Иди в хату, ужинать будем, — сказала она.

— А дядя дома? — спросил Федька.

— Нету. Уехал куда-то.

За ужином тётка посетовала: хлеба хлеб печь, да уж лучше дожидаться, когда муж вернётся, муки-

то всего буханки на три будет. Где теперь её возьмёшь?..

— А когда дядя придёт?

— В субботу к вечеру, сказал.

В эту ночь Федька долго ворочался, захваченный своими планами. Из головы не выходило то, что видел он на обрыве. А утром, едва тётка вышла из дома, Федька подался к берегу, взял в дупле гранату и крадучись вернулся в хату. Торопливо засунул гранату в печь, а сам задворками со всех ног — к Тарасику.

дядя твой. Думал, что арестует дедушку.

— Скоро полицаю крышка, — сказал Федька и, придвинувшись поближе к Тарасику, рассказал ему свой план.

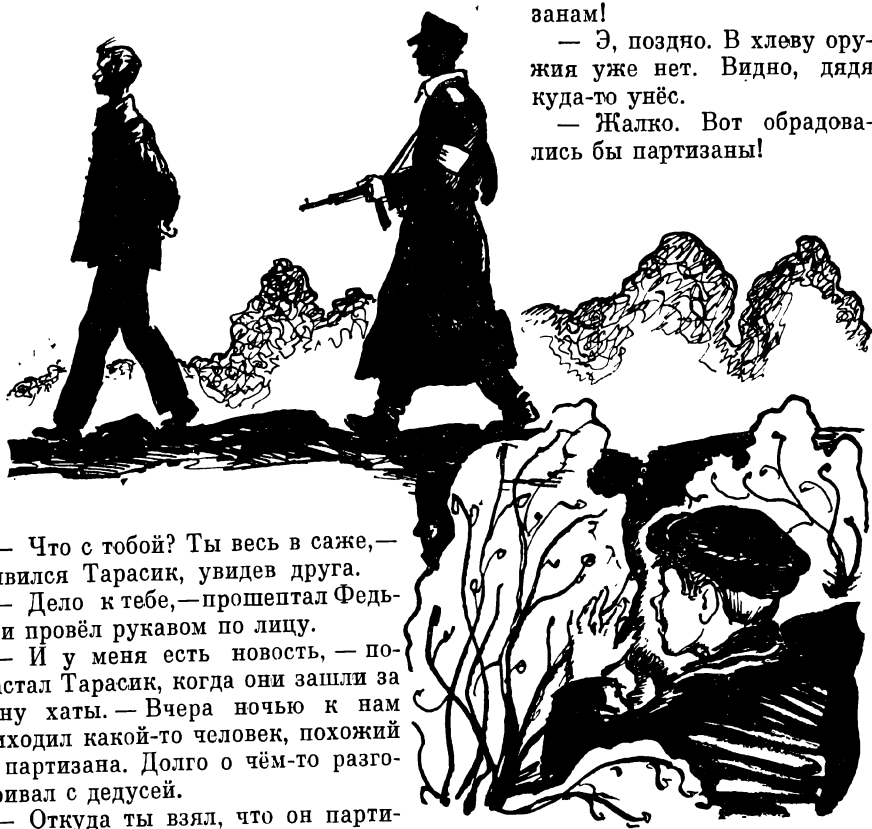
— Здорово придумал! — аж подскочил Тарасик. — А тётка Настя? Неужели и она за немцев?

— А ты что думаешь? С ней все полицаи здороваются.

— Знаешь что? — возбуждённо сказал Тарасик. — Давай выкрадем мешок с оружием и отнесём партизанам!

— Э, поздно. В хлеву оружия уже нет. Видно, дядя куда-то унёс.

— Жалко. Вот обрадовались бы партизаны!

— Что с тобой? Ты весь в саже, — удивился Тарасик, увидев друга.

— Дело к тебе, — прошептал Федька и провёл рукавом по лицу.

— И у меня есть новость, — похвастал Тарасик, когда они зашли за стену хаты. — Вчера ночью к нам приходил какой-то человек, похожий на партизана. Долго о чём-то разговаривал с дедусей.

— Откуда ты взял, что он партизан? — спросил Федька.

— У него борода, как у старика, а лицо молодое, и хохол, как у парубка.

— О чём же они разговаривали?

— Не всё я расслышал, но что-то Заячье озеро вспоминали.

— Заячье озеро? То, что в лесу?

— Наверное, оно.

— И ночевал у вас этот партизан?

— Нет, сразу ушёл. И хорошо сделал, потому что рано утром заходил

— Ничего, я им пистолет принесу. Приходи завтра утром провожать.

— А может, и мне с тобой?

— А как же дедушка? Недзя больно оставлять.

Тарасик помрачнел.

— Ну, ладно. Иди один. А как дедушка поправится, всё равно убегу к партизанам.

НА УЛИЦЕ ещё только светало, а Федька уже спешил к берегу. Там, возле дуплистой вербы, как и условились, его ждал Тарасик.

— Возьми, пригодится, — протянул Тарасик складной ножик, который когда-то подарил ему дедушка. — Иди прямо на север. Когда пройдёшь березняк, начнётся дубовый лес, за ним пойдёт сосняк. А там и озеро недалеко.

Федька козырнул по-военному и, перекинув через плечо котомку, зашагал в лесную чащу. Тарасик долго смотрел ему вслед. Федька торопился. Шёл напрямик. Ноги вязли в мягкой влажной прели. Приходилось огибать и болотистые места. Уже далеко позади остался березняк, а дубняка всё не видно. Не успеешь выбраться из одного болота, как попадёшь в другое. Неспokoйно на душе у Федьки. Найдёт ли он партизан? А что, если напорётся на врага? Казалось, что за каждым кустом, за каждым стволом притаился немец или полицай. Федька озирался по сторонам, ускорял ход.

Обессиленный, забрызганный грязью, он остановился отдохнуть. Тихо вокруг, аж жутко. Хоть бы на какую тропинку напасть или выйти на твёрдую землю. Вдруг что-то зашелестело. Федька испугаться не успел, как увидел зайчика, бесечно скакавшего между кустов. Мальчишка облегчённо вздохнул и зашагал дальше.

Вскоре лес поредел. Через некоторое время он вышел на широкую просеку. Огляделся вокруг. Тишина... Присел на пенёк, достал из котомки сухари и печёную картошку. Но в эту минуту услышал тарахтенье моторов, автоматные очереди. Федька мигом юркнул за невысокий кустик. По дороге, которая пересекала просеку — раньше он её не приметил, — на большой скорости мчался мотоцикл, а за ним — грузовик с зелёным крытым кузовом.

— Немцы!

Федька камнем упал на землю, прижался к траве. Над головой зашвистели пули. И потом ещё несколько раз раздавались автоматные очереди. Когда стрельба стихла, осто-

рожно поднялся, внимательно посмотрел в сторону дороги. «Значит, просеку сделали фашисты. Боятся, гады, партизан, — догадался Федька. — Но как я тут оказался? Ведь Тарасик ничего не говорил про дорогу и просеку. Неужели заблудился?» — И он словно прилип глазами к пеньку, внимательно разглядывая кольца на нём. Так и есть. Широкие кольца, которые указывают на юг, были бок о бок с дорогой. А ему надо было ориентироваться на узкие, которые указывают на север. Значит, идти надо в противоположную сторону.

Постепенно смешанный лес переходил в дубняк. «Значит, я на правильном пути!» — обрадовался Федька. Долго брёл он. Устал, едва ноги переставлял. В животе начало бурчать. На ходу погрыз сухарь, доел картошку. Короток осенний день.

Федька не заметил, как потемнело. Появляло холодом. «Ой, не доберусь я сегодня до озера, — с тревогой подумал он. — Может, там и партизан нет?»

Уже совсем стемнело. Федька спотыкался, падал, натыкался на стволы, кусты. «Придется, видно, тут заночевать». Он взобрался на ствол поваленного бурей дерева, устроился между ветвей. И сразу навалился на него сон. Но заснуть боялся. Сидел тихо, неподвижно, вглядываясь в тьму, прислушиваясь к каждому шороху.

— Гу-у-у-у! — время от времени глухо гудел ветер в верхушках деревьев. Монотонно скрипело сухое дерево.

Федька не заметил, как задремал. И приснился ему шумный Харьков, школа на Журавлице.

А потом он купался с мамой. Мама сплела из белых лилий венок, надела на голову и, словно русалка, поплыла в глубину. В это время под самым его носом мелькнул пёстрый мотылёк. Он погнался за ним, хотел поймать. Но тот быстро взмыл вверх и исчез. Повернувшись, он глянул, а мамы нет. Лишь белый венок слегка покачивался на волнах.

— Мама! Мамочка! — закричал он и проснулся, вздрогнув всем телом.

Федька не сразу сообразил, где он. Испуганно огляделся. В тумане уже вырисовывались стволы деревьев. Какая-то ранняя птичка голосисто славилась рассвет. Он немного посидел в тяжёлом раздумье, потом осторожно сполз вниз, попрыгал, чтобы согреться, и отправился дальше. Через некоторое время между дубами покраснели стройные и высокие стволы сосен. Потом пошёл сплошной сосняк. Остро запахло хвоей. «Значит, и озеро близко!» — обрадовался Федька. Прошёл еще немного. А когда выходил из оврага, вдруг где-то совсем близко затрещал валежник. Федька осмотрелся по сторонам — тихо. Подумал, что показалось. Сделал несколько шагов — снова то же самое. Федька прыгнул за ствол, притаился. «Зверь или человек? — мелькнуло в голове. — А если чело-

век, то партизан или немец?» Только Федька подумал это, как услышал за спиной:

— Эй, хлопчик!

Обернувшись, увидел высокого, плотного мужчину. На шее у него висел немецкий автомат.

— Ты что тут бродишь? — спросил он.

— Так просто, гуляю, — буркнул мальчишка с перепугу.

— Подходящее место выбрал для прогулки, — пошутил тот, улыбаясь.

Федька приободрился.

— А вы кого ищете?

— Волков.

— Разве с автоматом охотятся?

— Это смотря на какого зверя.

— Вы не знаете, как ближе дойти до озера? — нерешительно спросил Федька.

— А зачем тебе озеро?

— Надо.

— Ну что ж, идём. Нам по дороге. В общем, парень, тебе повезло. Здесь легко заблудиться.

Федька промолчал. Он побаивался незнакомца. А что, если это переодетый полицай? Поэтому и шёл настороженный, готовый ко всему. Через некоторое время они вышли на лесную поляну. Возле землянки, замаскированной ветками, полукругом стояли и сидели мужчины. Немного дальше табунком паслись кони. «Партизаны!» — облегчённо вздохнул мальчишка.

— Товарищ командир! — обратился Федькин знакомый к кому-то в группе. — Вот этого хлопчика в сосняке задержал.

Пожилый мужчина в военной фуражке внимательно посмотрел на парнишку.

— Тебя как зовут?

— Федькой.

— Здешний?

— Из Харькова я. А сейчас живу в Песчаном.

— А родители твои где?

— Отец на фронте, а маму немцы убили.

Командир на минуту задумался.

— А в лес зачем пришёл?

— Вас ищу.

— Кого это «вас»?
— Партизан.
— Откуда ты знаешь, что мы партизаны?

— Да разве не видно?
Партизаны переглянулись, засмеялись.

— Я тоже хочу быть партизаном, — решительно сказал Федька и, порывшись в котомке, подал командиру пистолет.

— Ого! — удивился тот. — Параллельно. Где ж ты такой раздобыл?

— У полицая. Ещё и гранату. Большую!

— А где же граната?

— В печь спрятал. Сегодня вечером будут топить. Тут-то полицая и кажут.

— Да ты, Федька, что ни на есть отважный партизан! — улыбнулся командир, и все громко рассмеялись.

Федька огляделся. Среди группы партизан он вдруг увидел учителя физики и чуть не вскрикнул от неожиданности. Как же учитель спасся?

— А кто же твой полицай? — переспросил командир Федькины думы.

— Андрей Явор. Он мне дядей приходится, — немного растерянно ответил мальчишка.

— Явор? — переспросил командир и глянул на учителя.

Федька заметил, как изменилось лицо командира.

— Заварил ты, парень, кашу, — помолчав, сказал он. — Вообще-то ты молодец, Федька. Надёжный парень. Но тут, брат, ошибка вышла. Твой дядя — честный человек, хоть и носит форму полицая.

Федька удивлённо вытаращил глаза и, вдруг сообразив, что он натворил, мигом сорвался с места.

— Подожди, подожди! — удержал его командир. — Вот что, — повернулся он к одному из партизан, — седлай коня, бери хлопча и немедленно в село. Надо предупредить товарища Явора.

— Успеем! — обрадовался мальчишка.

...Уже стемнело, когда два всадника на одном коне выскочили на опушку.

— А ну, парень, быстрее. И если всё в порядке, дай знать.

— Я прибегу сюда.

— Не надо. Свистни трижды.

— А как же я узнаю, что вы услышали меня?

— В ответ я тоже трижды свистну.

— Хорошо! — соскочив с коня, Федька что есть мочи помчался кустарником. Вихрем перелетел через сухой кукурузник и на минуту остановился на пригорке. Поискал гла-

зами хату дяди. А узнав крышу, оторопел от испуга. Из трубы валил дым!

«Неужели опоздал? Скорее, скорее!» — подгонял себя мальчишка, задыхаясь и обливаясь потом. Уже на пороге остановился, перевёл дух, стараясь крикнуть, но только захрипел:

— Бегите из хаты! — и со страхом поглядел на печь. Возле печи спокойно орудовала ухватом тётка. На скамейке сидел дядя Андрей, навалившись грудью на стол, и улыбался.

— Не знал я, что ты такой герой! — поднялся дядя из-за стола и потрепал Федькину шевелюру.

— Ну, что же, давайте ужинать, — повернулся он к жене, довольно потирая руки.

— А как же... я же гранату... в печь сунул, — ещё не веря тому, что всё обошлось благополучно, пробормотал Федька.

— Скажи спасибо твоему другу Тарасику и его дедушке...

— Подождите, я сейчас, — забеспокоился мальчишка и, что-то шепнув дяде на ухо, выскочил из хаты.

Вслед за ним на улицу вышел дядя Андрей. Вскорости от берёзы долетели три звучных посвиста. Через мгновение ответный свист послышался на опушке.

После ужина дядя Андрей озабоченно зашагал по комнате, то и дело поглядывая на часы.

— Ну что ж, хлопец, пойдём посмотрим на фейерверк.

— Какой?

— Вот сейчас увидишь.

И только они переступили порог, как оглушительный взрыв потряс землю. Над железнодорожной станцией высоко взметнулся огненный столб.

— Что это? — спросил Федька.

Дядя Явор лишь прижал его дрожащие плечи и ничего не сказал. Вернувшись в хату, он наспех надел мундир и шагнул в сени.

— Куда вы? — спросил Федька.

— На службу! — усмехнулся дядя и, лукаво подмигнув мальчишке, зашагал в тёмную ночь, освещённую багровым заревом.

Перевёл с украинского Н. САДОВЫЙ

Рис. П. Вискова

Командир Чудаков

В этом номере два новых рассказа Валентины Чудаковой, с творчеством которой «Искорка» уже не раз знакомила читателей. А сейчас вы узнаете о том, как начиналась биография писательницы.

— Чудаков?! Ты?! Ну, отчудила! Пришла какая-то пигалица и — здарсьте, пожалуйста, туда же...

Начальник учебных курсов был вне себя. Надо же: самый разгар войны, стране позарез нужны опытные командиры, а ему, видите ли, присылают под мужской фамилией какую-то девчонку.

— Вот что, скажи тому юмористу, который тебя сюда послал: пусть назад забирает!

— Так сами и скажите, — меня сюда комдив направил, ему и звоните.

Так это было или по-другому, — осталось тайной Вали Чудаковой, но комдиву звонить не рискнули... Всё-таки спасибо соседям по госпитальной палате: вошли в положение, поняли, что никак ей нельзя расстаться с боевыми друзьями. Лежала она тогда в госпитале после ранения. И вот, тайком от неё, взяли да и записали на учебные командирские курсы — под мужской фамилией, на всякий случай. Но, может, это была уже и перестраховка: Валентина Чудакова пришла на курсы не просто бывалым, обстрелянным солдатом — на её гимнастёрке красовалась боевая награда: орден Красной Звезды.

Ей не было тогда и восемнадцати лет.

...Она гостила у бабушки в городе Дно, Псковской области, когда на рассвете 22 июня 1941 года фашистские полчища рванулись на нашу землю. Она сразу твёрдо решила: у комсомолки одна дорога — на фронт. Правдами и неправдами, с уговорами и слезами, Валя добралась до передовых частей. Шёл седьмой день войны.

— Сколько же тебе лет, тринадцать, небось? — спросил командир.

— Никак нет, шестнадцать!

— А как же тебя родители отпустили? Или сбежала?

— Да сирота я, у бабушки жила.

— Сирота... Что ж, нам люди — во как! — нужны. Ступай в санроту.

Так шестнадцати лет Валя Чудакова стала санитаркой стрелкового полка. Под огнём, в дождь и жару, вытаскивала раненых бойцов из-под обстрела.

И случилось так: пуля сразила комсорга роты, замолк пулемёт. Тогда за рукоятки «максима» взялась санитарка Валя.

— Всего боялась, — вспоминает Валентина Васильевна. — Фашисты в психическую атаку шли — страшно было. Боялась, что патроны кончатся, что вода в кошке выкипит, а рядом — ни лужицы. Боялась, а ведь как уйдёшь, разве своих можно бросить? А самое страшное было видеть, как гибнут рядом товарищи, а ты не можешь даже проститься с ними.

И бил в упор «максим» набегающие шеренги врагов, как в том довоенном фильме о Чапаеве и пулемётчице Анке.

Вражеская атака захлебнулась. Тут же, на поле боя, комдив вручил санитарке Вале высокую награду Родины — первый орден Красной Звезды.

Раны — одна, вторая, госпиталь... И вот учебные курсы младших лейтенантов. Щуплая, невысокая девчушка — единственная среди мужчин-курсантов.

— Ох, и прохаживались по моему адресу все, кому не лень, — с

улыбкой вспоминает Валентина Васильевна. — Старшина по утрам обычно командовал: «Сорок с недоразумением, выходи на построение».

Что ж, я не обижалась... Да и как обидишься, если тот же старшина до поздней ночи втолковывал мне премудрости воинской науки, изо всех сил добивался, чтобы я ни в чём не уступала остальным курсантам.

Летом сорок третьего года в расположение 312-й стрелковой дивизии прибыл военный фотокорреспондент Василий Аркашёв. Он добрался до передовых окопов и застыл в недоумении: что такое? Повсюду, где только можно, виднелись букеты полевых цветов — колокольчики, ромашки, лютики.

— А это у нашего командира сегодня праздник, — пояснил пожилой солдат. — И тройной, можно сказать: второй орден вручили, звание лейтенанта дали, да ещё и день рождения.

Аркашёв изготовил аппарат: как же, такой интересный сюжет. Но когда появился именинник, даже этот бывалый фотокор растерялся — перед ним стояла девчонка, если б не военная форма, можно было бы подумать, что она случайная гостя на передовой... Но дело есть дело: щёлкнул затвор «лейки», и навечно врезался в плёнку облик лихой командирши пулемётной роты.

Пройдут годы. В Москве, на фотовыставке Валентина Чудакова встанет рядом со своим портретом военных лет, и снова нацелится в неё линза объектива. Об этом напишет журнал «Советское фото», о славном боевом пути командира Чудаковой расскажет «Правда». И в далёком немецком городе Вальтерсхаузене молодёжь назовёт свой клуб именем Вали Чудаковой.

Немецкие юноши и девушки по собственному побуждению называют свой клуб её именем и приглашают в гости!

Валентина Васильевна побывала

в ГДР. Об этой поездке она, будем надеяться, расскажет вам сама на страницах «Искорки». А о том, как сложилась её судьба после Победы, вы уже прочитали. Что было ещё? Ленинград, учёба на юридическом факультете, работа народным судьёй, книги «Чижик — птичка с характером» — для взрослых, «Как я была мужчиной» — для детей.

Валентина Чудакова была самой молодой санитаркой полка, самым молодым командиром пулемётной роты, самым молодым народным судьёй.

Она и сейчас самая молодая — достаточно раскрыть любую страницу любой её книги, чтобы в этом убедиться.

— Меня часто спрашивают, — говорит она, — почему о войне я рассказываю с шуткой. Да понимаете, если б в каждой роте не было Тёркина, то никогда бы мы не выдержали этого вечного, непрестанного напряжения, этой суровой, многодневной работы на грани человеческих сил... Броня защищала нас от пуль, юмор — от всех тягот войны.

Живёт в Ленинграде женщина, кавалер трёх орденов Красной Звезды, ордена Отечественной войны II степени, множества советских и иностранных медалей, мать трёх взрослых детей, пишет книги, выступает перед взрослыми и ребятами.

А в Одессе или Омске, в Перми или Саратове бережно хранят ветераны свои солдатские книжки, полученные при демобилизации в сорок пятом. Вот ведь, любили они своего командира, жизнь бы за него отдали не задумываясь, а пришла пора домой возвращаться, стали просить: нельзя ли как-то по-другому в солдатской книжке расписаться, а то как близким объяснить, что тобой женщина командовала? «Эх вы, чудаки-рыцари, — улыбалась Валентина Васильевна. — Ну, быть по-вашему...» и размашисто подписывалась: «Командир В. Чудаков».

НЕДАВНО Павловскому дворцу-музею исполнилось 200 лет. Уникальные творения выдающихся архитекторов, живописцев и скульпторов Ч. Камерона, Дж. Кваренги, А. Воронихина, К. Росси, П. Гонзаго, А. Мартынова, И. Мартоса и многих других, замыслы которых исполнялись безымянными талантливыми русскими мастерами.

В Великую Отечественную войну фашисты разрушили, уничтожили прекрасный Павловский ансамбль. От дворца остались руины, парк был вырублен и искорёжен дотами, заминирован. Надо было восстанавливать всё заново. Ещё в 1941 году, перед самым приходом фашистов, музейным ра-

ботницам и бригаде женщин удалось закопать, надёжно укрыть 200 скульптур.

По почину рабочих Кировского завода сотни людей в течение трёх лет собирались на воскресники по восстановлению парка. Второе рождение Павловска — это незабываемый подвиг ленинградцев.

Сегодня мы печатаем очерк В. Телемакова о восстановлении Павловского дворца-музея, о самоотверженной работе художника-реставратора.

Подробно об этом вы сможете прочесть в книге В. Телемакова «Возрождение красоты», которая вышла в 1972 году в Ленинграде.

В. ТЕЛЕМАКОВ

Рисунки К. Дмитрикова

Кисть, сотворившая чудо

«Дворец живёт, всё в нём дышит, не чувствуется огромного промежутка времени, которое отделяет нас от момента его создания. Не перевелись на Великой Руси таланты! Ведь чтобы восстановить такую жемчужину, нужно иметь прекрасные руки, умную голову и возвышенную душу. Я преклоняюсь перед трудом наших реставраторов...»

Эта запись — один из тысяч отзывов, хранящихся в Павловском дворце-музее под Ленинградом. В каждом — благодарность всем умельцам, воскресившим красоту дворца. Но особо народ запомнил и выделил имя художника, с чьей помощью приобрели прежний облик более сорока залов музея. Анатолий Владимирович Трескин возродил самое раннее, трудно поддающееся восстановлению — утраченную живопись.

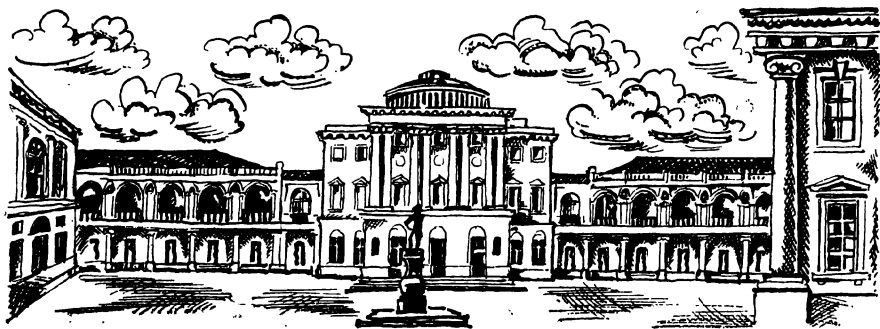
Это теперь вы, ребята, приехав в Павловск, можете увидеть заново возникший из пепла тот самый легендарный дворец, о котором первый советский нарком просвещения А. В. Луначарский говорил, что равного ему мало можно найти в Европе. А тридцать с лишним лет назад на Всемирном конгрессе архитекторов в Лондоне прозвучали такие горестные слова: «До нас дошла весть, что архитектурных ансамблей Пушкина и Павловска больше не существует. Человечество стало неизмеримо беднее от утраты таких памятников».

Советские люди не могли смириться с гибелью красоты. Они решили сделать то, что казалось невероятным. Восстановить мраморные колонны, облицовку, мельчайшие детали архитектурного оформления, создать новый наборный паркет из многих пород дерева — всё это было очень трудно. Но вернуть жизнь утраченной живописи казалось почти невыполнимым.

Директор Павловского дворца-музея Анна Ивановна Зеленова рассказывает:

— Никто не брался за эту работу. А Трескин поверил в свои силы и сумел увидеть в копоти и руинах дворца будущую красоту живописи. К тому времени Трескин был известен в Ленинграде как опытный мастер-реставратор, прекрасно чувствующий стиль любой эпохи.

Реставраторы начали свою работу с Кавалерского зала дворца. В пустом, разорённом зале было холодно и мрачно. От печки-«буржуйки» больше угара, чем тепла. От едкого дыма слезятся глаза, першит в горле. Под ногами грязь и пыль. В промозглой сырости стынут пальцы. Вот в такой обстановке Трескин начал воссоздавать старинную картину-плафон «Чудо святого Савла». Как обычно, печь топили до обеда,

а потом приходил художник и начинал работать. И вот однажды смотрительница, следившая за печами, куда-то отлучилась. Копоть от печки чёрной тучей покрыла голубое небо на картине. Пришлось смыть краски и писать небо заново.

Но и этим не закончились злоключения картины. Как-то летом открыли окна, хлынул тёплый воздух. И картина-плафон, уже занявшая своё законное место на потолке, отсырела. Снова переделки... Но никакие трудности не могли остановить художника. Когда настала очередь библиотеки Росси, выяснилось, что от довоенного времени не осталось ни одной чёткой, крупной фотографии росписей, украшавших библиотеку. Известно было лишь, что на росписях воспроизведены профили учёных древности. Трескин перерыл множество книг об античных философах, проштудировал все дошедшие до наших дней портреты... Побывайте теперь в библиотеке К. Росси и сами посмотрите, как блестяще разрешил все эти сложные задачи А. В. Трескин. Портреты выглядят почти однотонными, коричневатыми. Но приглядитесь, какое множество оттенков нашёл художник в этой скупой гамме, как тонко воссоздал он эти чудесные аллегорические картины, написанные в своё время живописцем академиком Барнаба Медичи.

Есть во дворце залы, где лепка незаметно переходит в украшения, выполненные уже только кистью. Но выполненные так искусно, что даже

специалисты не замечают перехода — такой удивительной объёмности удалось достичь художнику.

Сам Трескин считает одной из своих наиболее удачных работ изображение свода на арках в верхнем вестибюле. Создаётся зрительная иллюзия, что потолок значительно выше, чем в действительности. Такое же впечатление воздушного пространства возникает в Третьем проходном кабинете: уходящие ввысь аркады, написанные художником, делают этот небольшой зал просторнее, выше и грациознее.

Реставратор не свободен в выборе манеры или материала. Он во всём ориентируется на подлинник. Приходится применять и клеевые, и temperные, и масляные краски, писать по холсту, шёлку, стеклу, по штукатурке, дереву, мрамору. Наиболее коварен шёлк — материал лёгкий, капризный, краски по нему растекаются. Трескину пришлось испробовать много вариантов, прежде чем краска стала держаться.

До тонкости изучив стиль и манеру художников XVIII века, Трескин выполнил росписи по шёлку в радостных, звучных тонах. Однако это вызвало нарекания приёмочной комиссии: «Краски должны быть приглушённые, как бы тронутые временем». Трескин горячился и спорил, пытаясь доказать свою правоту, а потом ему в голову пришла счастливая мысль: «Пожар уничтожил шёлк на стенах, но ведь расписанный этими же мастерами шёлк на мебели сохранился. Вот же она здесь, эта мебель!» Художник подбежал к кушетке, сдёрнул с неё подушку, и все увидели на месте, где годами лежала подушка, яркое пятно прежней росписи. Спорить стало не о чем: сам подлинник защитил художника-реставратора.

Более чем в сорока залах за тринадцать лет кропотливого труда вернул Трескин исчезнувшие краски великих мастеров прошлого. Если все эскизы, картины, эталоны, картоны, выполненные им во время работы в Павловском дворце-музее, поставить в одну линию, она протянулась бы на 10 километров — это целый Московский проспект! Естественно, так можно оценить только колоссальный физический труд художника. А мастерство на метры не меряется, оно — бесценно.

Даже в богатой удивительными находками практике Трескина есть случай ни с чем не сравнимый. Это создание плафона Тронного зала дворца. Всё, что делал Анатолий Владимирович, обычно опиралось и на натурные эталоны, и на довоенные фото, и на документальные описания. В Тронном зале предстояло восстановить то, что вообще никогда не существовало. Да-да, более 150 лет назад плафон был только задуман, но так и не выполнен. Сохранился лишь небольшой эскиз росписи части потолка, выполненный выдающимся итальянским художником Пьетро Гонзаго. По эскизу можно было оформить только одну четверть плафона.

Бережно сохраняя все декоративные элементы эскиза, Трескин разработал свой проект росписи плафона по всей его окружности. После того, как эскизный рисунок был утверждён, целый год ушёл на подготовительные работы. В натуральную величину делались картоны — подсобные рисунки углём в размер будущего плафона. Потом в этом же размере создавали эталоны, реально показывающие, как будет выглядеть плафон в цвете. Затем собралась специальная комиссия (научно-экспертный совет), которая утвердила созданное. И только тогда началась роспись потолка. Ещё полгода ушло на то, чтобы осуществить задуманное.

— У нас, монументалистов, — рассказывает А. В. Трескин, — есть такой термин: разбивать потолок. Это значит — точно расчертить, разметить, распределить местоположение на нём всех деталей плафона и всей композиции в целом. Чисто геометрическим построением занимать-

ся пришлось ровно месяц. Картоны прикрепляли рейками. С картона прокалывались дырочки в кальке. По рисунку снимались проколы. Потом кальку протирали угольным тампоном, и изображение таким образом попадало на штукатурку. Завершающая часть работы — исполнение живописи по нанесённому контуру.

Площадь плафона Гонзаго — 400 квадратных метров. Представьте себе, какого напряжения стоило художнику изо дня в день по несколько часов подряд стоять на лесах и расписывать потолок в таком положении, когда голова запрокинута, а одна рука постоянно поднята. Немели, затекали мышцы рук, шеи, спины...

Помолодевший Павловск отметил недавно своё 200-летие. Тысячи экскурсантов проходят по залам дворца-музея. Среди других дворцов, расположенных под Ленинградом, именно в Павловском раньше других завершилась реставрация. Правнуки держали здесь экзамен перед прадедами и выдержали его с блеском.

Родина по достоинству оценила художнический подвиг Анатолия Владимировича Трескина. Он удостоен звания лауреата Государственной премии РСФСР и награждён золотой медалью Академии художеств СССР.

Рассказ о художнике хочется закончить ещё одним отзывом, сделанным вскоре после открытия первых залов дворца:

«Тов. Трескин! Спасибо Вам за Ваш великий труд. Я не буду писать о восторге, который вызывает Ваш талант. К Вам большая просьба: берегите, пожалуйста, своё здоровье, живите дольше. Вы очень-очень нужны нам... Хочется по древнему русскому обычаю склониться в глубоко земном поклоне перед всеми, кто сумел сохранить всю эту неповторимую красоту...»

Игорь ДРУЖИНИН

Как закалялась сталь

*Был труден бой.
По скалам обгорелым
Солдат пошёл с гранатой вперёд.
И, раненный, закрыл горячим телом
Из амбразуры бьющий пулемёт.*

*Когда замолкли пушки на Хингане
И засинела солнечная даль,
Товарищи нашли в его кармане
Пробитый том — «Как закалялась
сталь».*

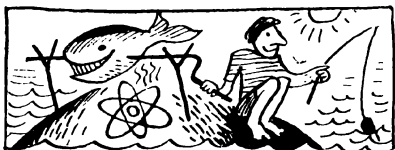
*Мы схоронили друга на рассвете,
И протянул мне книгу старшина:
— Возьми, браток! Пусть знают наши
дети,
Какой ценой досталась тишина!*

Рис. К. Дмитрикова

самое РЕКОРДЫ ОСТРОВОВ самое

САМЫЕ солёные острова нашей планеты — это остров Джефферсон в Мексиканском заливе и остров Ормуз в Персидском заливе. Оба они целиком состоят из соли.

САМЫМ радиоактивным островом является остров Ниуэ, расположенный в 2500 милях к востоку от Австралии. Счётчики Гейгера трещат на нём без умолку, показывая высокий уровень радиации. Радиоактивность превышает там нормальную почти в 100 раз. Между тем жители острова — сильные, крепкие люди. Им неведомы болезни, типичные для тихоокеанских островов.

САМЫЙ «непоседливый» в семействе островов — Сейбл. Этот небольшой песчаный остров у берегов Канады всё время «движется» на восток. С 1766 года он «проплыл» уже 42 километра! Происходит это из-за волн, которые размывают его с запада и намыывают песок с востока.

САМЫЙ «чистоплотный» остров — это Кимолос, входящий в группу Кикладских островов в Эгейском море. В своём грунте он имеет вещество, которое жители острова с незапамятных времён используют в качестве мыла. Им моются, стирают бельё. Стоит пройти дождю — весь остров покрывается мыльной пеной, «моется» сам.

САМЫЙ большой на планете архипелаг — это Индонезия. Здесь известно 13 677 островов.

САМЫЙ северный на Земле архипелаг — это Земля Франца-Иосифа, расположенная выше 80-й параллели.

САМЫЙ большой остров Земного шара — Гренландия. Площадь его составляет 2 176 000 квадратных километров. На территории Гренландии могли бы разместиться Великобритания, Франция, Италия, Голландия, Бельгия и Норвегия вместе взятые. Однако обитаемые и обрабатываемые земли составляют здесь лишь 3,5 процента площади. Остальная часть острова представляет собой бесплодную и безлюдную пустыню, покрытую слоем льда толщиной до двух тысяч метров.

САМЫЕ «непостоянные» острова — это острова, которые то появляются над поверхностью морей и океанов, то опять исчезают в пучине вод. Таких островов немало.

В 1953 году в Средиземном море, недалеко от острова Сицилия, «вынырнул» из-под воды остров Грехэма. Пока дипломаты разных стран спорили, кому должен принадлежать новый участок суши, остров взял и «нырнул» обратно.

Недалеке от острова Тринидад в Карибском море тоже поднялся из пучины вод остров. С Тринидада срочно пошёл к нему военный корабль: водружать флаг Великобритании. Водрузили. Но не успели ещё придумать этому новому острову имя, как он снова исчез. Вместе с британским флагом.

К сожалению, не все такие «ныряния» вызывают улыбку. Ещё во второй половине прошлого века среди островов Кука в Тихом океане был остров Туанаки. Однажды утром вышли с него в море рыбаки, а когда вечером вернулись — перед ними расстилась лишь синяя гладь океана.

самое СОБРАТЪ В КОЗИЦКИИ самое

КАК РОДИЛАСЬ МАТРЁШКА?

В конце 90-х годов XIX века в Россию из Японии была завезена игрушка «Кукла в кукле». Токарь-игрушечник Сергиева посада (ныне город Загорск, Московской области) В. Звёздочкин вырезал из дерева фигурку, а художник С. Малютин (ученик В. Д. Поленова) расписал её в виде крестьянской девочки, «одел» в сарафан, повязал цветным платком. Получила эта игрушка имя — Матрёна. Отсюда и название — матрёшка.

Первая русская матрёшка состояла из восьми фигур, которые отличались

друг от друга. Игрушка полюбилась сразу.

В 1900 году игрушка попадает в Париж на Всемирную выставку. Некоторое время спустя из столицы Франции был получен первый заказ на русских матрёшек. Затем стали поступать заказы и из других стран.

Сейчас матрёшек делают во многих районах нашей страны. Есть матрёшка московская, горьковская, кировская, марийская, башкирская...

Простая деревянная фигурка русской девочки превратилась в великую путешественницу, объездившую весь мир и побывавшую даже в космосе. Она стала любимой игрушкой детей и хорошим сувениром.

ВОЗРАСТ НЕ ПОМЕХА!

Киевлянин Андрей Иваненко, стартовав в столице Казахстана Алма-Ате, пробежал более 10 тысяч километров по территории 15 союзных республик и финишировал в Москве.

А. Иваненко перед самым пробегом вышел на пенсию. Ему 62 года. Работал он инженером - механиком на киевском заводе «Коммунист». Он бывший фронтовик, артиллерист.

ИХ ВСЕГО

ОКОЛО 100 ЧЕЛОВЕК

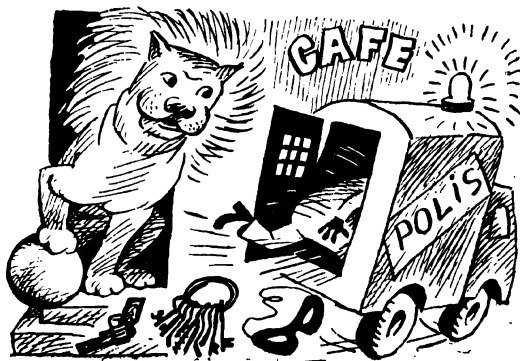
Такое малочисленное племя обнаружено на острове Минданао — самом южном из Филиппинских островов. Это племя не знает железа, у них нет постоянного жилья. Себя они называют тасадай. Живут они охотой на мелкую дичь и сбором диких плодов.

Филиппинские учёные изучают нравы и обычаи найденного племени.

ВОТ ЭТО ПЁС!

Владельцу кафе в одном из бельгийских городов не приходится беспокоиться о безопасности своего заведения. Сторожевой пёс надёжнее всяких электронных систем охраняет его от грабителей.

Это — дог. Вес его почти 80 килограммов, рост, когда он стоит на задних лапах, превышает 2 метра.

...в Сибири на реке Хатанга найден... янтарь! Экспедиционный отряд, вернувшийся с Таймыра, привёз большую коллекцию янтаря. Сибирский янтарь представляет большую ценность для науки, так как его возраст в 2 раза превышает возраст янтаря с побережья Балтийского моря и равняется 100 миллионам лет. В собранном янтаре обнаружено около двух тысяч инклюзов (включений) насекомых и паукообразных, живших в меловой период.

...луну-рыбу весом 700 килограммов выловили у берегов Южных Курил рыбаки траулера «Чернобыль»! Сахалинским рыбакам достался очень редкий трофей. Тело луну-рыбы представляет диск диаметром до полутора метров. Отсюда и название. Верхний плавник рыба выставляет из воды, как парус. Она предпочитает тёплые воды тропиков и попала на север, видимо, вместе с тёплым течением Курасио. Ценная добыча передана южносахалинскому краеведческому музею.

...многие виды китов обладают способностью... петь! Киты «горбачи», например, издают мелодичные звуки в течение 30 минут. Затем, через некоторое время, они снова их повторяют с достаточной точностью, что и позволяет учёным называть такой ряд звуков «песней».

...самая маленькая книга в мире — «Азбука в картинках» издана в Лейпциге (ГДР)! Она отпечатана на шёлковой бумаге и одета в нарядный кожаный переплёт. Размер каждой из 26 её страниц — 3 на 2,5 миллиметра.

...на острове Синоку построена крупнейшая в Японии станция для подводных исследований! 24-метровая башня расположена в заливе и соединена с берегом мостом длиной 54 метра. В подводной части башни имеется смотровая площадка с 16 окнами, через которые за жизнью подводного мира могут одновременно наблюдать 100 человек.

...для печатания нот нотные знаки набираются на большую доску — нотонабор! Затем эти доски фотографируют и уменьшают, чтобы получилась нормальная нотная страница. Нотонабор значительно увеличивает производительность труда, а наличие в кассах до 700 знаков позволяет набирать и печатать любые нотные издания.

...главная библиотека нашего города — «Публичка», как любовно называют её читатели, располагает более чем 20 миллионами книг, брошюр, периодических из-

даний! Ежедневно около 5 тысяч ленинградцев и гостей нашего города приходят сюда на встречу с добрыми друзьями — книгами. Библиотека получает буквально всё, что издаётся в Советском Союзе. Этим правом пользуются лишь немногие библиотеки страны.

...английская фирма «Каузер» изготовила непотопляемые водные лыжи, снабжённые... двигателем! Они выполнены из стекловолокна с полиуретановым наполнителем и управляются рычагом, в который вмонтирована рукоятка газа двигателя. После выключения двигателя лыжи останавливаются через несколько секунд.

...в нашей стране впервые получен ценный химический продукт — цинеб! Это отличное «лекарство» против грибковых заболеваний овощных культур, винограда, плодовых деревьев. Комплекс по выпуску цинеба — единственный в мире с непрерывной схемой производства.

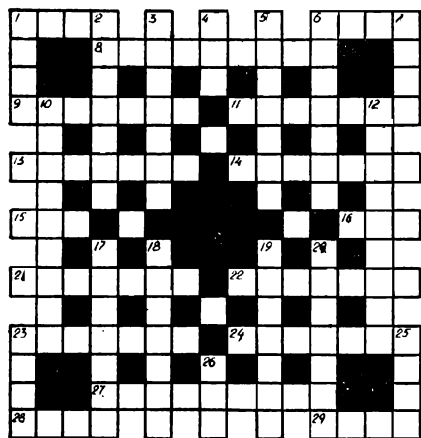

...«Подводным музеем» истории русского Северо-Запада называют дно Ладоги! Аквалангисты нашего города обнаружили здесь целые кладбища кораблей разных эпох, россыпи монет, предметы быта, оружие. Во время войны по льду Ладоги была проложена легендарная Дорога жизни. Со дна озера аквалангисты подняли и передали в музей множество ценных трофеев.

КРОССВОРД

Отдел ведёт Вадим Агентьев

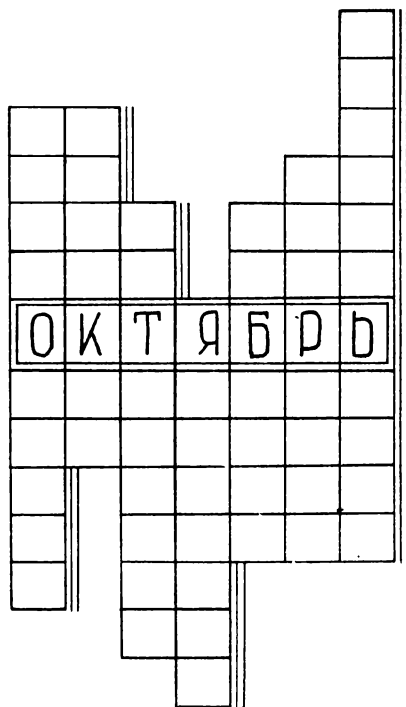
По горизонтали. 1. Минерал, применяющийся в хирургии. 6. Столица Швейцарии. 8. Обработка материалов давлением. 9. Гимнастический инвентарь. 11. Судно. 13. Одна из народностей СССР. 14. Небольшая дверь в заборе. 15. Австрийская писательница. 16. Датский физик. 21. Руководитель оркестра. 22. Химический элемент. 23. Русский архитектор. 24. Подбор цветовых сочетаний, характерных для художника. 27. Врач, занимающийся научными наблюдениями над стационарными больными. 28. Минерал. 29. Река в Ленинграде.

По вертикали. 1. Сигнал. 2. Небесное тело, обращающееся вокруг планеты. 3. Рыболовная снасть. 4. Насекомое. 5. Стрелковое оружие. 6. Сражение, битва, бой. 7. Математический знак. 10. Раздел геометрии. 12. Прибор для определения качества молока. 17. Мех. 18. Комнатное растение. 19. Нефтепродукт, смесь алкановых углеводородов. 20. Ожерелье. 23. Роман В. Лациса. 25. Музыкальный инструмент. 26. Легенда.

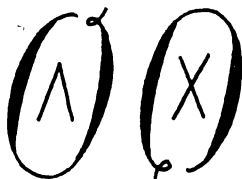
ЗАДАЧА СО СЛОГАМИ

Замените черточки слогами таким образом, чтобы получилось два слова по вертикали и два по горизонтали.

Впишите в вертикальные столбцы фамилии членов Военно-революционного комитета, возглавлявших вооружённое восстание в Петрограде и Москве в октябре 1917 года.

МАЛЕНЬКИЙ РЕБУС

Название какой реки Ленинград-
ской области здесь зашифровано?

Проверь себя

[Ответы к «Искорке» № 12]

ЧАЙНВОРД

1. Конфетти. 2. Ижица. 3. Афали-
на. 4. Абажур. 5. Рапирист. 6. Тер-
мит. 7. Тема. 8. Ангажемент. 9. Топ-
ляк. 10. Каверза. 11. Аншлаг. 12. Га-
рантия. 13. Яблоня. 14. Ялик. 15. Ко-
лодец. 16. Центнер. 17. Рапсодия.
18. Ягуар. 19. Ребус. 20. Строчок.

ПОДАРКИ С ЕЛКИ

ЗАДАЧА СО СЛОГАМИ

Маска. Кабан. Масло. Лобан.

МАЛЕНЬКИЙ РЕБУС

Снегурочка.

ВОЛШЕБНЫЙ КВАДРАТ

Кулик. Скука. Аркан. Икако. Ко-
тик.

АРИФМЕТИЧЕСКИЙ РЕБУС

$$471 \times 385 = 181\,335$$

РЕБУС

Поздравляем с Новым годом!

Содержание

Баллада о двух солдатах. Сти- хотворение Виктора Максимова	1
Когда улица улицей стала.	
Очерк Василия Островского . . .	3
Саня Дырочкин — человек се- мейный. Продолжение повести	
Семёна Ласкина	12
Февраль. Стихотворение Оле- га Бундура	27
Скрещённые шпаги. Рассказ- быль П. С. Пузанова	28
Личная транспортная едини- ца. Репорт. Рассказы В. Чу- даковой	30
Внимание: Конкурс!	35
С автоматом и карандашом (К рисункам на 2-й странице об- ложки)	36
Прошу слова	37
Будёновка. Музыка М. Лаза- рева, слова В. Шумилина . . .	38
Соседи по планете: Для чего человеку бегемот? Очерк	
Юрия Дмитриева	40
Нежданный посетитель. Очерк	
А. Батуева	45
Прерванное чаепитие. Рассказ	
Юрия Калинина	46
Федькины каникулы. Рассказ	
Николая Стеценко	47
«Страна Читалия». Командир	
Чудаков. Очерк Георгия Ар- шинникова	54
Кисть, сотворившая чудо.	
Очерк В. Телемакова	56
Как закалялась сталь. Стихо- творение Игоря Дружинина . .	59
Самое — самое	60
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят . . .	63

На 1-й странице обложки рису-
нок В. Орлова «60 лет в строю».

На 2-й странице обложки рису-
нок А. Первеева «Солдаты Побе-
ды».

На 3-й странице обложки «Дру-
жим с Кубой». Фото О. Миронца.

На 4-й странице обложки рису-
нок Л. Московского «Память на-
родная».

Редактор Л. А. АНИЩЕНКО

Редактор-составитель В. В. ГУСАРОВ

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: А. Е. Власов,
Н. А. Внуков, И. Л. Дворкин, К. И. Курбатов,
А. М. Млодик, В. Н. Суслов.

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 212-87-55.

Сдано в набор 2/1 1978 г. Подписано к печати 9/II 1978 г. 4 п. л.
М-26717. Зак. № 458. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 55 000 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата.
Ленинград, Фонтанка, 57.

Рождение Красной Армии

Когда произошли эти события?

Освобождение
Ленинграда
от блокады

Разгром фашистов под Москвой

Битва под Сталинградом

Курская битва

Взятие Рейхстага